

СМЕНА

15

1949

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДОРОГУ ПЯТИСОТНИКАМИ

Каждый день в нашей стране приносит что-нибудь новое. Написано, ещё совсем недавно газеты сообщали о патристическом начинании машинистов станций Владимир и Родосы Георгий Кондратьев и Сергей Федотов, решивших удвоить и утроить плановую работу паровозов, довели их ежесуточный пробег до 500 километров, а сегодня их почти подкачан уже на всех железных дорогах страны.

Зачинатель этого движения бригады комсомольского паровоза «СО-4005» старшего машиниста Г. Кондратьева, довели ежесуточный пробег своего локомотива до 700 километров, взяли на себя обязательство увеличить пробег ещё на 100 километров.

Эти успехи кондратьевцев достигнуты благодаря введению строгого графика уплотнённого движения, экономии времени на экипировку паровоза, увеличению пробега без дополнительного набора воды на промежуточных станциях.

В помощь паровозникам создана комплексная бригада, куда входят вагонники, ремонтники, девианцы, — все, от кого зависит движение состава в пути.

За достигнутые успехи в деле социалистического соревнования Центральный Комитет ВЛКСМ заявил в Кингу почта ЦК ВЛКСМ паровозную бригаду старшего машиниста Г. Кондратьева.

С каждым днём всё шире развивается движение поездов машинистов за лучшее использование мощностей локомотива, за 500-километровый пробег паровоза в сутки.

Дорогу пятисотниками! На смену им машинист-комсомолец паровоза «СО-4005» Иван Заверев и его помощник комсомолец Иван Екимов.

Фото А. Узяева

ТЕПЕРЬ, КОГДА СОВЕТСКИЙ НАРОД РЕШАЕТ ВЕЛИКИЕ ЗАДАЧИ СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА, ЕЩЕ БОЛЕЕ ВОЗРАСТАЕТ РОЛЬ КОМСОМОЛА В ДЕЛЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ. КОМСОМОЛ ДОЛЖЕН ВОСПИТЫВАТЬ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ БЕССТРАШНЫХ, БОДРЫХ, ЖИЗНЕРАДОСТНЫХ, УВЕРЕННЫХ В СВОИХ СИЛАХ, ГОТОВЫХ ПРЕОДОЛЕВАТЬ ЛЮБЫЕ ТРУДНОСТИ БОЙЦОВ ЗА СВОБОДУ И ЧЕСТЬ НАШЕЙ РОДИНЫ, ЗА ДЕЛО ПАРТИИ ЛЕНИНА — СТАЛИНА, ЗА ПОБЕДУ КОММУНИЗМА.

(ИЗ ПРИВЕТСТВИЯ ЦК ВКП(б) XI СЪЕЗДУ ВЛКСМ)

Зина Журавлева, комсорг новострументального цеха Коломенского паровозостроительного завода имени Кузнецова. Фото Г. Борисова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Август. № 15. 1949 год.

Год
издания
26

КОМСОМОЛ

Анатолий Кривонизин,
завойщик шахты № 3 имени
Калинина треста «Арктик-
уголь».

Мария Рожнова,
придильница, бригадир моло-
дечно-комсомольской брига-
ды Кулакинской фабрики.

Геннадий Фукалов,
горняк Уральского метал-
лургического завода имени
Серова.

Людия Кононенко,
ткачиха, бригадир молодёж-
но-комсомольской бригады
Кулакинской фабрики.

Василий Ильин,
мастер краснознаменного 1-го
цеха фабрики «Парикосная
коммуна».

Валентина Хрисанова,
лауреат Сталинской премии,
техник Московского электро-
лампового завода.

Василий Плевинский,
бригадир комсомольско-моло-
дёжной бригады шахты № 3
треста «Кагановичуголь».

Генрих Борткевич,
лауреат Сталинской премии,
токарь Ленинградского стан-
костроительного завода.

Анатолий Меньшиков,
старший машинист паровоз-
ного депо ст. Кайбала, Он-
габрынской железной дороги.

Питомец великой Отчизны.
Посланики заводов и сёл,
Шагает вперёд к коммунизму
За партии вслед комсомолец.

В боях он бывал и сраженьях,
Родные просторы любя,
Он партии нашей решенья
Приказом считал для себя.

И партия знала об этом,
Он сердце своё открывал,
Своим комсомольским билетом
На верность он ей присягал.

Прочнее любого металла
Его боевые дела,
Нас партия так воспитала,
Нам партия силу дала.

И вышел мы в мирные годы
Мудрее и много сильней —
И вот перед нами заводы
И тысячи мирных огней.

И вот перед нами просторы:
Родные леса и поля,
Моря голубые и горы —
Советская наша земля!

Мы к партии взор обращаем,
Питомцы мечты и труда,
И партии мы обещаем
Быть в первом ряду, как всегда!

Мы к Сталину взор обращаем,
К родному отцу своему,
И Сталину мы обещаем
И клятву приносим ему:

Упорной учёбой, работой
Свое государство крепить
И в каждом из нас патриотов
Для счастья Отчизны растить.

Стоит за великое дело
Питомец заводов и сёл —
Наш Ленинско-Сталинский, смелый,
Наш доблестный комсомолец!

...Труд имеет у нас общественное значение, он
является делом чести и славы.

И. СТАЛИН

ВПЕРЕД, К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА!

Художник или историк, который хочет писать о юношестве нашего времени, отнюдь не должен изучать короткие биографии молодых стахановцев, героев, передовиков производства, ибо у каждого советского юноши, у каждой советской девушки, кроме личной биографии, есть еще биография общесоветского.

История комсомола неразрывно связана с историей партии, с развитием социалистического общества. Учатся комсомолы в труде и борьбе советского народа во имя нашей Родины, приносят ему всенародную любовь и признание. Товарищ Сталин сказал о комсомоле: «Я не знаю случаев, когда бы он отставал у нас от событий нашей революционной жизни».

С парней нашей советского государства комсомол, а с ним и все советская молодежь, следуя учению великих вождей человечества, Ленина и Сталина, учились коммунизму. Но ленинская формулировка «учиться коммунизму», разумеется, шире понятия школьной учебы: главное всегда и во всем — быть примерным строителем коммунистического общества среди миллионов строителей. Каждая новая стройка становилась университетом для нашей молодежи. В борьбе с врагами и трудностями закалялась воля, выковался сильный характер советского человека.

«Я видел эту молодежь на месте действия», — писал Алексей Максимович Горький в предисловии к книге о людях Сталинградского тракторного завода: — когда среди огромного поля шла конвейерная лента, торчали железные скелеты будущего гиганта, создаваемого энергией этой молодежи в тучах пыли, оглушительном грохоте железа, в скрежете и шорохе камнедробилок, батономешалок. Очень трудно было представить, что муравьиная суeta миллионов людей способна оковать пустыню железом, думалось, что, пожалуй, нехватит железа и сил тоже нехватит. Но вот хватило!»

И не только на Сталинградском тракторном, а везде, где работала молодежь, ей сопутствовала успех. Сказочно быстро росла страна социализма, а вместе с ней и комсомолцы — ее ровесники и создатели. Нет нужды доказывать, что Олег Кошелев, Александр Матросов, Лиза Чайкина вступили в войну, уже восприняв от своих, не менее героических предшественников их лучшие качества. Олега Кошелевого не понял бы Павел Корчагин. Родословная бортевчанина и Шаховского корни свои уходят в героину первых сталинских пятилеток.

Духовная богатая комсомольских поколений, разумеется, не означает тождества. У каждого поколения комсомола свой лиц, в котором четко отражаются черты его времени. Поколение комсомола, раскрывшееся в годы Великой Отечественной войны, не знало гнета помещиков и капиталистов, а о классах и ожесточенной классовой борьбе узнавало чаще всего лишь из книг, да рассказов старших братьев, отцов и матерей. Они дышали воздухом сталинских пятилеток. Разверните газеты предвоенных лет: Стаханов, челябинцы, Чкалов, Ангелина, Большой Ферганский канал, мировые триумфы советских музыкантов, спортсменов, артистов. А такие великие события, как исторический XIII съезд партии, принятие Конституции Сталинской Конституции, а вслед за тем выборы в Верховный Совет СССР! Социализм победил, и дыхание коммунизма велело над нашей Родиной. Это не могло не сказаться на облике и характере юношей и девушек, которым старшее поколение комсомольцев поручало свои овсяные славы: комсомольские звания.

Беззаветная любовь и Родина проявлялись в смертельных схватках с врагом и в творческом труде, моральная чистота, неукоренная тяга к высоким наукам и культуре, дерзание везде и во всем — такими выроставшими перед нами он, наш современный молодой человек. Сыны и дочери великого советского народа, перед войной и усилением которого расступаются горы, бегут вспять реки, омыают степи, как в сказке, одеваются в зеленые сады, роды и поля, — им ли не знать, что такое дерзание!

Сыны и дочери народа-героя, распоташавшего фашистского зверя, которому подымал было под себя всю Европу, — им ли не знать, что такое борьба!

В их сознание прочно вошло как утвердившее бытие, что человеческое счастье — это не клад, который один из тысячи найдет и похитит к себе в карман. Счастье каждого — неотделимо от общего счастья.

Все общественное советской молодежью воспринимается как глубоко личное: быть кузнецом не только своей судьбы, но и творцом и преобразователем окружающей его действительности — в этом и состоит большое человеческое счастье, вся красота которого неведома мнимым эпохам и нашим современникам в капиталистическом мире. Лучшие качества советского человека ярче всего проявляются в его отношении к труду.

— Не знаю, почему обо мне пишут, ведь так и другие работают! — случайно признался мне при встрече фрезеровщик Сергей Сугробов. Он уже худощавый юноша с пылающими глазами восточного сталинского времени. Он пришёл на завод подростком в годы войны. Тогда же начались и его первые стахановские рекорды. Рассказывает о них скупой:

— Выполнил срочный фронтный заказ. Прикинул: работать по-старому — не справлюсь, либо и придумай приспособление. Чего же здесь особенного!

Конечно, он знает цену своим производственным достижениям, гордится ими, но так же хорошо знает, что уже сотни и тысячи молодых стахановцев и стахановок, опередив время, давно рассчита-

лись с государством по плану первой послевоенной пятилетки. Знает и радуется успехам своих товарищей. Есть у него учиться, с кем идти вперед и вперед. Стахановец-зуборез В. Пономарев выполнил уже три пятилетки! И характерно: все они, побенеры новых стахановских троп, не видят в своей труде ничего особенного.

А между тем «особенного» в труде того же Сергея Сугробова много. И разобораться в этом «особенном» легко, стоит только перешагнуть советские рубрики и посмотреть на рабочих в странах долларовой демократии. В самом деле, где еще, кроме страны социализма, рабочему придет мысль потребовать от администрации заблаговременного освобождения от точных планов завода на ближайший квартал! Для Сугробова же это — условно, без которого он не мыслит своего труда. Обработав один деталь, он уже думает о другой, причем стремится сделать в несколько раз больше того, чем это предусмотрено планом. Хочет или не хочет тебурю, но оно должно тоже работать по стахановским, чтобы нелету подвешивать передовую мысль, облеять ее в чертёжнике, успеть в день своим делом вздуть на станции новые приспособления.

Работачие в соседнем цеху должны оглядываться на него и тоже думать, как и что можно выжать им из своей техники, чтобы поток сверкающих деталей Сергея Сугробова не застал их неподготовленными. Кто бы ни ввие им подавала сборочная!

Живое, яркое чувство неудовлетворенности достигнутым ради того, чтобы завтра было еще лучше, — это еще одна из отличительных черт настоящего новатора, передовика социалистического производства.

Вспомню скупой и сдержанный в своих рассказах Сергей начинает волноваться, когда речь заходит о главном прелатстве, стоящем сейчас на его стахановском пути: неточная планировка!

Интересны страны — стержень всех дел советского человека, где бы ни протекала его трудовая деятельность: в заводском цеху, на колесных полигонах, в научных лабораториях.

Нашей молодежи известно имя молодого инженера завода «Динамо» Дины Карасевой.

Она тоже удивлена, чем вызван интерес к ней товарищей, из разных концов Советского Союза присылающих поздравления по случаю ее назначения.

Биография ее несложна: девушка пришла на завод в годы войны, работала формовщицей, стержневщицей и... училась в институте. Правда, совмещая напряженную работу на заводе по выполнению фронтных заданий и столь же напряженную учебу было не совсем легко. Но разве она одна такая! Тысячи и тысячи советских юношей и девушек заканчивают высшие учебные заведения без отрыва от производства, — что же в этом необычного! Единственное, что, может быть, отличает ее от других выпускников института, — это то, что она представляла экзаменационной комиссии для защиты не просто диплом, но разрабатывала проект «Динамо» и в своем ракурсе, одобренный и утверждённый главным металлургом завода.

Дина, естественно, волновалась. Но не меньше ее волновался и еще один человек — председатель экзаменационной комиссии профессор Филатов. В годы первых сталинских пятилеток он был главным инженером завода «Динамо» и в свой ракурс немало поработал над тем же, что защищала теперь вот эта белокурая голубоглазая девушка. Не раз возвращался он к этому проекту и после, и вот перед ним чертёж, листы, расчёты — готовый проект.

И какая смелость! Ни в Советском Союзе, ни за рубежом никого не принимали, такие методы в литейном деле. Ограниченность площадки решена тоже просто и экономно: вместо двух опок в гнездо закладываются десять.

А Дина только после защиты узнала о роковом совпадении тем.

В первые минуты, когда профессор заговорил об ее проекте с явным предостережением, она растерялась. Но те же причины, которые заставляли ее создать проект, дали ей силы и крепко его отстаивать.

Профессор подвергал сомнению пункт за пунктом — и технические решения и их экономичность. Он тоже горячился, тоже волновался. Ему надо было, чтобы Дина сумела не только защитить свой, но и разбить его проект, если действительно ее решение лучше. Это было настоящее сражение. И выиграла же Дина.

— Ну, а дальше! — спросил я, любящий ее задорным, разгоревшимся лицом.

— Вероятно, примется самой и осуществится!

Горькие глаза улыбнулись, уже видела своего старейшего обновленного, помолодевшего. А еще дальше! Над этим пока не задумывалась. В технических проблемах, требующих своего разрешения, для советского инженера недостатка нет. Жизнь, новаторство стахановцев порождает их поссоду. Но, конечно, оно не будет сидеть и ждать, когда ему придет и не сам. Она лойдет к ним навстречу. А как же иначе! Молодость зовёт вперед, жизнь зовёт вперед!

Идёт борьба за секунды, за количество и качество продукции, за экономно сырья, за продление жизни орудий производства. Чем выше производительность труда, тем богаче наша народное хозяйство, тем ближе коммунизм.

«Вперед, зоре навстречу» — так начинались одни из первых песен комсомола.

Тогда коммунизм был мечтой, отдалённым будущим, а теперь — вот она, зора коммунизма! Облески ее зрими на наших лицах, в наших чувствах, во всех наших делах.

ДЕРЗАЙ В РАБОТЕ, МОЛОДЕЖЬ!

Вера СКВОРЦОВА

Строитель

Молчаливый, сдержанный, суровый,
От работы не поднимает глаз;
Он кладёт кирпич не стройке новой,
На соседней улице у нас.
Он похож в комбинезоне плотном
С виду на строителя друга,
Но, подивя кирпич, он неохотно
Передаст его из рук своих.
Он его ладонями согреть,
Словно с ним расстаться не спеша,
Будто бы от этого быстрее
Вырастали стены этажа.
Знает он, что молодое здание
Прочной крышей не защищено,
Нежности, заботы и внимания,
Как ребёнок, требует оно.
Скоро дом окрепнет, возмужает
И леса отбросит без труда;
Торопливо трубы заполняя,
В этажи поднимается вода.
И движеньем, молодым и резким,
Волосы поправя как-нибудь,
Девушка отдернет занавеску,
Чтоб с утра на улицу взглянуть.

Там, внизу, пройдёт один прохожий,
Папиросный оставив дым,
Кепкой и лицом своим похожий
На людей, идущих рядом с ним.
Только он, взглянув на окна дома,
Почему-то улыбнётся ей.
Как сестре, как хорошо знакомой,
Как любимой девушке своей.
Он фасад лепной окинет взглядом
Как-то по-родному, горячо,
Понимая, как сложился здесь когда-то
Над простыми, щербатым кирпичком.

Николай ГРАЧЕВ

Улицы широкая

Как солнце ильиче горячо
Над улицей широкою!
Идут подводы с кирпичом,
Колёса звонко цокают.

Везут кирпич,
Везут кум, —
Покрытые рогомю,
И возчики идут в пыли,
На мальниково похороше.

Там строят дом,
Там — гаражи,
Там — фабрику-красавицу,
Посмотришь вверх на этажи —
С затылка шапка ваяется.

Не дом — хоронина,
Дворец!
Хоть сделана лишь честь его.
Пила поёт, что твой свисток:
— Живите, люди, счастливо!

А на лесах,
На ярусах,
Задорная,
Любимая:
«Кипучая,
Могучая,
Никем непобедимая!»

Пётр МОРЯКОВ

Фрезеровщик

Всё взвешено строго и трезво,
Чтоб верной удача была.
И вот уже новая фреза
В ладони его легла.

Подобна гранате, Задорно
Сверкает короной резцов.
Возврат устаревшие нормы
Он ею сегодня готов.

Пробить ещё шире дорогу
Готов он большому строителю.
Деталь закрепили, потагали...
И волю даёт резцам.

В краю железных гор

Тяжёлый край свои дары
Нам на ладони не протанет.
Они за гребнем той горы,
Где бурелом да голые камни.

Но след туда уже пролёг.
А весть у нас обычной строгая:
Где на тропинку есть намёк —
Там непременно быть дороге.

Николай ЕЗДАКОВ

Плечом к плечу

Под молот прямо из огня
Лепка стальная головня.
И молот тяжко, как снаряд,
Ударит в наковальню.

Огонь. И в стороны летят
Осколки от окалины.
Но не берут огонь и чад
Таких напористых ребят.

В петличках буквочки «РУ».
— Не видишь, из училища,
А клещи правильно берут,
Ого, какая сила!

Вздымает молот тяжело,
Из пекла рвётся радуга.
И зайчик зарева на лоб
Поробегаёт с фаруга.

Ручьями пот с мальчишек льёт:
Чумазые и ловкие
Загорделии весь пролёг
Багровыми поновками.

Удар, удар — сядёт сталь,
Деталь, деталь, ещё деталь,
И улыбнулся, наконец,
Неразговорчивый кузнец.

А над Москвой рассвет хорош,
Дерзай в работе, молодежь,
Чтоб не остыл огонь в печи,
Не старился, кто молод!

Накилем, ребята-москвичи,
Круши металл, сильней стучи,
Наш комсомольский молот!

Михаил САЗОНОВ

У рубильника

Свинцовые жилы в четыре ряда,
Рубильники во власти рук.
Движеньем... и хлынула в провода
Турбинная сила рек.

И сразу в плечистые этажи,
Распетушено тишь распоров,
Ворвалась тяжёлая грохот машин,
Дыханье компрессоров.
А он включил и, задумчив, стоит,
Мечты его глубоким...
Он понял, какую силу такт
Движенья его рук.

Владимир ТОРОПЫГИН

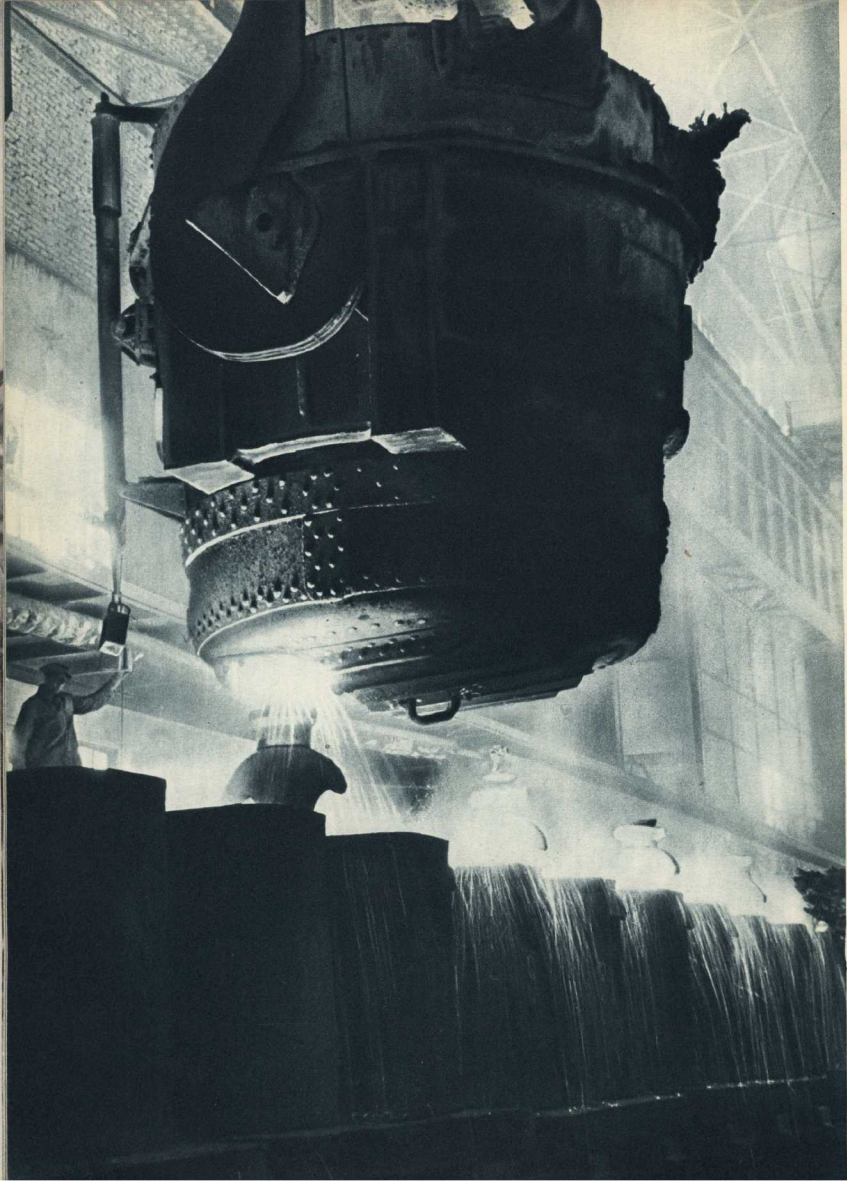
Доброй ночи!

Улицей —
Асфальтовой лентой —
Чуть притихший город обогин;
В окнах у товарищей студентов
Светятся настоящие огни.
На Неве сверкает позолота —
Бенками качаются на ней,
В небе проплывают самолёты
Светлячками бортовых огней.
Доброй ночи!
Бригады смен.
Над газопроводом, у обочин,
Пусть вам солнцем светит автоген.
Доброй ночи!
Славные ребята,
Кто сидит за книгой до утра,
Вычисляет, пишет рефераты...
Счастия вам!..
Ни paura, ни пера!
И поэтам тоже
Доброй ночи!
Пусть горят настоящие огни...
Пусть в стихах —
В крутом разбеге строчек —
Встанут наши ночи,
Наши дни!

Рисунки Л. С. Мехова

Р А

В мартеновском цехе произошла авария. Случилось это у молодого слесаря Шашкова. Плавку подожгли и пощип. Прикрытая лицо рукавицей, Шашков заглянул в печь. Свиззо синие стекла очков, прирельсанных к носу надвинутая на морщный лоб кепке, он увидел, как бешено бурлит возле задней стенки голубая расплавленная сталь.

Долгий вынужденный взгляд, нетерпеливая гримаса сжатых губ и тревожная мысль: что это не так! Не в первый раз Шашков varit сталь. Он уже изучил повадки металла. Ну хорошо, допустим, выгорает углерод. Но при этом пугаются обычно густые и мелкие. Почему же сегодня сталь так странно бурлит? В чём дело!

Не чувствую ни жары, ни усталости — ничего, кроместрой тревоги, — Шашков продолжал следить за металлом. Неужели сталь раздает стенок печи? Неужели авария?

Он равнялся было за мастером, но сейчас же сообразил, что нужен именно здесь, у печи. Он должен сейчас же решить, что делать. Медлить нельзя ни секунды.

— Зови мастера, — крикнул он подручному — баатек лопату, — металл выбирает наружу!

А сам подбежал к груди магнетиза. Испробовать последнее средство! Зеробаст стенок печи. Эти секунды! Внутренний вакуум, восток! Помешать стали прорваться наружу раньше времени!

Подручные поняли намерение Шашкова. Они стали рядом с лопатами, дверца поднята, магнетиз пошел в печь. Несколько жарких минут ожесточённой саватки людей и металла.

Голос мастера:

«Что случилось, Саша?»

Шашков не успел ответить. Лицо мастера сделавшись огненно-красным. Это угли обвисли всплывшего в разномощном пролёте зарева. Сталь прорвала заднюю стенку печи. Авария...

В этот вечер Александр долго сидел в пустой комнате ставхановского общежития у раскрытого окна. Все ушли в парк, на концерт. Он остался один, никуда не пошёл.

Кто-то сказал ему перед уходом:

«Ничего, Саша, не кручинься. Знаешь поговорку? Тот не слесарь, кто печь не жжёт.»

Поговорка твоя состарилась, — ответил Шашков сердито.

Семьдесят лет они стави угли понапрасну. Это же шутка. А ведь ему, Александру, довария, выдвинули не самостоятельную работу. Всего три года прошло после окончания ремесленного училища, а Шашков — уже подменный слесарь Кузнечного металлургического комбината.

Один из учителей когда-то говорил Александру:

«Сколько можно работать подручным? Вся жизнь можно работать подручным, если нет человека особой породы.»

Пружинка — это то, что дигает вперед. Каждый день узнавать в работе что-то новое. Не годились старшие становиться, а уменьем и знанием.

Шашков вступил в комсомол в мае 1942 года. Бом под Сталинградом. Плакаты на заводском дворе: «Что ты сделал для фронта!» Победное наступление Советской Армии. Нунен, как воздух, броневой металл.

В эти дни в заводском комитете комсомолы за очередными делами, за спорамй об организации работы, об увеличении производительности труда, о замене людей, недостающих в цеху, не забывали про Александра

Шашкова. Много раз с ним беседовал комсорг. Не партийном, боро, ставились специальные вопросы о выдвинутых способных молодых рабочих.

Да, комсомол помог. Вероятно, эта пружинка, о которой говорил учитель, тоже из комолада.

И вот как сегодня пришлось ответить на помощь и доверие...

Александр старался не думать о случившемся, но мысли упорно возвращались к аварии. В чём её причина? Нужно припомнить асю плавку, с самого начала.

Прежде всего — приём смены. Осмотрели печь и обнаружили неисправность. Убедились в том, что во время предыдущей плавки металл обварил наварку задних стенок. Начали заправку обваренного места. Положили три слоя магнетиза...

Заправка. Сделали заправку задней стенок. Но как сделать! На просвете Мологова, отщепили геогрунты. В воскресенье ребята из молодёжной бригады мартеновского цеха в последний раз ездили за Толью, на водную станцию. Осень. По вечерам на вывешенном равно зажигаются огни Дворца культуры приобщения. Самое время читать, просиживать вечерами в Доме техники, думать.

Александр полюбил эти сумеречные дни ранней осени, золотые аллеи улиц, такие густые, что когда вверху в листе негромко шелестит неторопливый дождик, — на чисто подметённом асфальте совсем сухо.

Но листья облетают. Вот уже обмалкивает вершина пропол под осень. В ветреные дни город наполняется шелестом сухих листьев. Эта яркая осень радостно отозвалась в душе Александра, вероятно, именно потому, что работа у него спорилась. Теперь он чувствовал себя вполне печин так же уверенно, как и остальные опытные слесари. Нелегко далась эта уверенность. Каждый, даже самый маленький участок работы приходилось брать с боя. Преодолевав застенчивость, Шашков настоял на том, чтобы весь его бригады являлся в цех за час до гудка. У подручных сначала было недовольство на этот счёт. Но потом стало привычно до начала смены тщательно провешать печь. Это давало возможность учесть все неожиданности, которые могли случиться во время плавки. Теперь на пятиминутный Шашков чувствовал небывалую ясность. Это было ясно — и сколько потребовалось времени для заправки, и как пройдёт завалка, и в какие окончательные сроки сможет уложиться его бригада.

Потом он задумался, что на него все глядят и ждут. Ждут чего-то особенного. Да и сам он чего-то ждал. По вечерам бродил по сырм асфальтовым тротуарам проспекта Кирова, разбрасывая ногами мокрую лису. Под ногами было слышно, как в шесту, подмывало то, что складывалось в нём в твёрдые убеждения во время работы у печи. Он мечтал об ускорении плавки.

Что такое скоростная плавка! Это хорошо

предуманная и подготовленная атака, организованная наступление, умный и изобретательный поход в застрявшие дела. Скоростная плавка — это борьба. Борьба мыслящего и дерзющего человека со временем, с техническими традициями, с навыками людей, привыкших действовать по давно заготовленным рецептам.

Александр мечтал об этой борьбе.

Скептики говорили о нём: «Искованный слесарь».

Но его таную к передовым людям комбината — учиться у них, присматриваться к ним, побеждать их.

Он никогда не был тщеславным. Наоборот, высокий, широкоплечий парень казался даже таким слишком скромным, молчаливым и старавшимся всегда держаться в тени. После окончания училища он стремился во всем подражать своим учителям. Да, сноровка есть. Об этом все говорят. Но сноровка — это ещё не всё, ради чего он учился. С тех пор, как комсомол выдвинул его на должность слесаря, он постоянно ощущал ответственность за себя и за своих товарищей. Ответственность порождает притягивать раннее где-то глубоко чувство нового.

— Для того и живёт человек на земле, чтобы на месте не стоять! — сказал он как-то в разговоре.

Многим было знакомо имя Шашкова. Книжки, музыка, волейбол, друзья, девушки... Да, девушки. Вернее, одна, особенная, самая лучшая на свете девушка. Впрочем, пока это тайна. Даже перед самим собой. Как говорится, мечта. Ещё ничего, кроме радостного бienia сердца. Ещё ни одного, кроме порождения застенчивых взглядов — тула, где прохладит после смены ребята прохладного цеха. И всё же. Всё же жизнь станет пустой и неуютной, если вычеркнуть из неё главное — сталь.

Свою первую скоростную плавку Александр повесил годовщине Октября. В мануи праздника он вышел на смену раньше, чем всегда: не сиделось в общежитии. В травмаев разговоров с соседом по печи. У того недавно случилась неприятность: подожг свою.

По пересты в тоже такое дело имел, — признался Шашков, протянув заготовочное стекло и глядя на запаленные снегом бревенчатые дома Нижней Колонии. — Надо за печью следить, не отходить ни на минуту.

Сосед заметил, что лучшее предохранительное средство — не слишком высокая температура в печи.

— Так лего. Запрвали, завалили и кодишь руки в брюки.

Признался Шашков, другой раз забирает, — сказал Александр, — Тяжелый спит — легче сердцу.

Они вышли из травмаев, продолжая разговор. В свере, воле заводоуправления, в свете фонарей тускло мерцал серый от копоти снег.

— Сам знаешь, в нашей работе тепловой режим — это всё, — продолжал Шашков, глядя на трубы своего цеха. Из труб вырываются кортине языки пламени. Сейчас, ночью, трубы были похожи на огромные факелы. — Явление на высоком напряжении веда. Правда, тут уж гляди в оба. Но зато плавка как-то...

Где-то в заводском дворе вспыхнуло зелёное зарево электросварки. Не голубоватом фоне заснеженного холма Верхней Колонии. Вспыхнувшие чёрные силуэты труб теплотрассы, в которых слышны шум дождевого цеха. Таёрд шагая, Александр протянул руку и указал на вход в тоннель:

— Читай.

Над входом в тоннель сверкали буквы: «Кузнецкий металлургический комбинат имени Сталина».

— А! Ты вот о чём.

— О том. А ты о лёгкости разговор заводил, — сказала Александр рассерженно.

На пятиминуту Шапков предложил встречный график плавки.

— Обождале, Александр Павлович, — затормозил первый подручный. — Посмотри. Чуть передо поукладывалым ремонтом. Может, и не выйдет ничего.

— Должно выйти. Выжмем из печи всё!

После первой скоростной плавки Александр показавшись, что больше ничего уже не удалось выжмать из печи. Правда, может быть, тогда сказались усталость, напряжение... Но прошло время, и Шапков очень ясно почувствовал, что ещё ещё впереди. Для себя он рассчитал примерные сроки ускоренной плавки. Одну, последнюю рабру он оставил пустой, не заполняя её цифрами. Постепенно, по мере того, как мысль двигалась вперёд, он вписывал в эту графу окончательные сроки отдельных операций.

Вот, например, заправка передней сточки печи. Раньше Александр, подражая большинству сталеваров, производил эту заправку после окончания заправки. А что, если не медлить? Что если попытаться сделать свободные минуты во время самой заправки? Вот подошла состав с шихтой. На каждую печь обычно приходится три — четыре состава. Шихта выгружена, порожняк уходит. Пока подойдет новый состав — несколько свободных минут.

— Давать, ребята, поджигать! — предостерегает Шапков подручным. — На мою думку, до конца заправки всю переднюю сточку заправить успеём.

Попробовали. В первый раз не вышло. Ребята сутулели, обстановка непривычная — газосилик под колёсами, перекрутил не туда. Но Александр не унывал на этом. Вскоре в его тетрадке с расчётами плавки, в пустой графе появилась новая цифра. Тридцать минут экономии. Это неплохо.

Он вышел из цеха глазами, полным образом об экономии времени. Но на одном из производственных совещаний он сам себе напомнил и о другом:

— Рекорд поставить — это очень красиво. И цифра на доске показателем красивая, и слава большая — народ любит, и мне как профоргу приятно. А между прочим, случается у нас такой грех: темпы плавки берём мы, а про за забываем. Иной раз перерасхода нет, но и заботы насчёт плавки да топлива тоже не имеется.

И вот получается: сегодня перевыполнил план, завтра перевыполнил, а послезавтра на ремонт стал. А во сколько ремонт обходится — это, в полтора, асом поинто. У самих же себя рубли ворует, потому что эти рубли не деньги, а наши.

Теперь перед ним стояла задача со многими неизвестными. С одной стороны — темпы, сроки, графики. С другой — цифра. И неизвестное количество потребляемого газа, сроки ремонта печного оборудования.

Александр развешивал и эту задачу.

— У нас так часто бывает? — спрашивал он у товарищей. — Вот как-то не так. Александр Павлович, Шапков, как живёшь, что делаешь. Держи отчёт перед ЦК!».

— Это были дачи мечты.

А в начале апреля этого года Александр Шапков с трибуны XI съезда ВЛКСМ говорил об успехах кузнецких комсомольцев. Он выступал от имени молодых тружеников комбината, как знатный сталевар, как представитель многомиллионной армии сталинского поколения.

Когда он вернулся в Кузнецк, товарищи собрались в его комнату послушать рассказы о съезде.

Был тихий весенний вечер. На тумбочке у Александра стояли книги, привезённые из Москвы: «Молодая гвардия» Фадеева, «Восхождение металлурга» академика Павлова, брошюра «Как в варю стал металлургического сталевара Михаила Кучерина».

Почтительно пишет, — замечает Шапков, никак не брошюра? Интересно, что добавляет, опуская глаза: — Но мы, кузнецкие, много теперь по-новому делаем.

Николай ПОГОДИН,
лауреат Сталинской премии

ЗНАМЕНИТОСТЬ

— Ты, братец, и не знаешь, что ты сделал.

— Как же знаю... Знаю.

— Знаешь?!

— А то нет?

— Удивительно...

Этот разговор сразу пришёл мне на память при первом знакомстве с историей знаменитого рекорда Михаила Кузнецова, молодого шихтопротера Московского угольного бассейна.

— Дело было на Мологостомском угольном заводе в Горном, тогда Нижнем Новгороде, в начале тридцатых годов, в трудные дни, именуемые пусковым периодом. Теперь времена изменились: пусковой период уже не представляет тех неизменных трудностей, с которыми сталкивались наши люди двадцать лет тому назад. Тогда у нас не было современного громадного опыта, знаний кадров, своей новой, советской технической интеллигенции. И в тот какой-то подросток, во возрастающей мальчик, по опыту пещер, являющийся фабрикантом, тайком от солидных мастеров обучал, вычертил и сконструировал своё собственное приспособление к станку. И удивило, как и поныне, мастеров и инженеров не было приспособление, интересное, остроумное, важное, а то главным образом, что этот паренёк отлично представлял себе всю сложность и заранее видел его будущие результаты.

Двадцать лет — не столетие. Но как изменились наши понятия! Сознательное, умное, проинженерное творчество в труде сделалось громадным явлением современности. И как бы оскорбился Михаил Кузнецов, если бы к нему пришли инженеры с подобной «похвалой».

— Ты, братец, и не знаешь, что ты сделал. — Да оскорбился бы... «Позвольте, за что же вы меня критикуете? Но теперь даже невозможны подобный случай, как невозможно лесников Лявша с его чудачеством смеканности в отношении таланта-самородка».

Давно исчезло и забылось это понятие и самое слово «самородок», которое выходило из дореволюционной действительности и означало, по сути дела, страшную вещь, что талант родился сам не только без помощи окружающей среды, но и вопреки среде.

О таких вещах важно знать и помнить. Иначе трудно сравнивать прошлое с настоящим, старое с новым. А без сравнений советское, трудно понять, почему новое суть новое, почему следует дорожить этим новым, выделять и брать за образец людей, обладающих новым характером, новым мышлением, новым взглядом, Характер человека, в конечном счёте, определяет его поступки.

Молодой горнопроходчик Московского угольного бассейна Михаил Кузнецов получает летом этого года телеграмму из Москвы:

«Центральный комитет комсомола поздравляет вас и всех членов вашей бригады с установлением выдающегося рекорда прохода шихты. Ваш рекорд — достижение послужит примером для молодых шихтопротеров при выполнении борьбы за досрочное выполнение плана шихтозастояния».

Желаю дальнейших успехов в вашей работе.

Натурдо представить себе, с каким волнением и подъёмом читалось это поздравление. Легко понять, что дальнейшие успехи ждать себе не стоили.

Но что случилось до того, как пришла эта телеграмма на имя Михаила Кузнецова, из каких элементов сложилось его высокое достижение?

— Если этот замечательный деле происходит в условиях, то и выступает на первый план коммунистическое отношение к труду, направляющее и вдохновляющее поступки и самого рабочего — горняка и его бригады.

Коммунистическое отношение к труду проявляется повсюду в нашей действительности.

История своего рекорда, а это мировой рекорд Михаил Кузнецов начинает с ноября прошлого года, когда приездом в Московский горнопроходческий комитет организации призвал горняков Подмосковья досрочно выполнить правительственный план по увеличению добычи угля в ближайший год — в полтора раза.

— Мы стремимся достойно ответить на этот призыв, — говорит теперь человек, для которого огромные общесоюзные планы и задачи являются путеводными планами и задачею его личной судьбы.

Казалось бы, чего же ещё требовало Михаилу Кузнецову от себя и от своих друзей по бригаде, если достойный ответ на партийный призыв Михаил был обязан делами, завоевавшими первое место кузнецкой бригаде в соревновании горнопроходчиков на строительстве Московского угольного бассейна?

Но наши молодые люди научились хорошо считать и хорошо планировать. Зная прекрасно в соревновании они получали за исключительные темпы проходы шихт от ста до семидесяти и даже свыше двухсот метров в месяц, при подсчёте оказывалось, что эти исключительные достижения надо ещё умножить на такие же исключительные темпы — и тогда все обязательства коллектива по строительству были выполнены. В мае бригада достигла быстрой прохода 400 метров шихты. Она прошла 420 метров!

Техника горного дела не знает таких скоростей. Шпек — это подземный туннель, где никак не разгуляешься количеством. В скоростной бригаде Кузнецова всего человек, которые работали специально званием по семи в звене и выполняли все производственные работы.

— Мне думаю, что лучше всего открыл секрет своего великого успеха сам, Михаил Кузнецов в одной из бесед:

— Смену мы обычно начинали с подтигивания нагрудника на груди. Дело это, на которое в иных шихтах затрачивалось полчаса и больше, мы выполняли за 10—15 минут.

Вот великое качество «умелой борьбы», о которой и сказано в поздравлении Центрального Комитета комсомола. Поначалу, как известно, составляли 1800 секунд. Вот и думай. Ведь это уже какая-то феерическая, немисляемая быстрота умения и скорости! Михаил Кузнецов умел нечестно смену с такого темпа, который во много раз перекрывал ту же самую привычную, известную всем горнякам работу в иных заводах.

Бригада Михаила Кузнецова в мае прошла темп, дававший метров шпек. Это блестящее достижение в нашем горном строительстве, конечно, не останется непревзойдённым рекордом, но в традиции советского образа жизни перейдёт и переходит уже в большое движение массового творчества. И самое драгоценное в этом блестящем достижении состоит в том, что все поступки, все действия Михаила Кузнецова пронизаны ясностью цели и тайной заветной, которая как определяет эти могучие качества нашего человека великий Сталин.

Увеличение добычи угля в полтора раза в ближайшие годы — вот ясная цель. А у человека, который умеет осознать свой повседневный труд высшими целями, мы найдём такую же ясную целеустремлённость в последующих поступках и действиях. И так оказывается по правде говоря, что чем больше человеческая деятельность, тем больше её тайна, тем яснее судьба создаётся тем, кто её осуществляет, тем яснее освещает свой повседневный труд высшими целями.

Большая судьба человека не только в славе и уважении, но и в уважении к своим личным делам; большая личная судьба не только в долге, но и в том, что сегодня в нашей действительности, в этих героях мы видим людей, связанных красотой коммунистического общества.

ПОСЛЕ СЪЕЗДА

XI съезд ВЛКСМ выдвинул большой рост производственной и политической активности советской молодежи, приток лучшей её части в ряды комсомола. Редакция «Смены» обратилась к группе рабочей молодежи Ждановского района Москвы, вступившей в ряды ВЛКСМ уже после XI съезда комсомола. Мы попросили молодых комсомольцев рассказать читателям журнала о том, что принесло им вступление в Союз коммунистической молодежи, как они работают после съезда ВЛКСМ. Ниже публикуем часть поданных нами писем.

Новые дела, новые успехи

Николай КОЗЬЕВСКИЙ,

слесарь-паровозник депо Москва-Горьковская, Московско-Казанской железной дороги

В дело я работаю с 1946 года, после окончания железнодорожного училища. В комсомол вступил в феврале 1949 года, в самый канун XI съезда ВЛКСМ. Дело было так. Наши комсомольцы решили сделать подарок съезду: отремонтировать сверх плана в неурочное время паровоз. Организовали специальную ремонтную бригаду. В ней записались все комсомольцы. Я никогда не отставал от других, поэтому попросил, чтоб и меня записали в бригаду.

Поработали мы хорошо. Паровоз отремонтировали. За время ремонта я крепко сдружился с ребятами-комсомольцами и решил, что время и мне в комсомол вступить.

Изменилось ли что-нибудь в моей жизни? Да, изменилось, и многое. Нану с того, что в комсомоле почувствовал я могучую силу дружного и крепкого коллектива, которому доверено большое и важное общественное дело. И дела комсомольские оказались поистине интересными.

В дело работала комсомольский политкружок по изучению биографии товарища Сталина. Я не был записан в него, но подумал: раз я комсомолец, должен повышать свой политический уровень. Пошёл на занятия раз, другой, вначале по долгу, а потом уже с нетерпением ждал очередного дня почитываю.

Наша комсомольская организация время от времени устраивала для молодых коллективные посещения кино, театров. Позовут меня, и я пойду с ребятами. Мне захотелось быть не только зрителем, но и организатором. Стал я сам, по своей инициативе устраивать культпоходы. Несколько раз ходил мы с товарищами в кино, смотрели «Семьдесят два брата», «Повесть о настоящем человеке», «Встречу на Эльбе» и другие фильмы; три раза побывали в цирке.

Комсомольская организация депо и уполномочен комсомола всё чаще стали давать мне поручения: то провести подготовку к собранию, то организовать кросс, то добыть инвентарь для молодёжного общества, распространить билеты в театр, провести подписку на газеты. Выполнять все эти поручения — для меня большое удовольствие.

Как-то наш комсорг посоветовал мне прочитать книгу А. Фадеева «Молодая гвардия». Так она меня заинтересовала, что я сделался постоянным читателем нашей библиотеки. Сейчас я читаю роман В. Ажаева «Далеко от Москвы».

Полноба я и физкультурой: регулярно занимаюсь в гимнастической секции. К стилистическому Дню железнодорожника взял на себя обязательство сдать нормы на звание «ГТО I ступень».

Всё это, конечно, дал мне комсомол. Сам собой возникла другая вопрос: а что дал я комсомолу? Как оправдало высокое звание члена ВЛКСМ! Моей с гордостью сказать, что нашей комсомольской организации краснеть за меня не приходится и, надеюсь, никогда не придётся. Раньше до вступления в комсомол, я обычно выполнял 130—140 процентов дневной нормы, теперь же ниже 170 процентов не бывает, а то даю и все 200. Состою членом комсомольско-молодёжной бригады отличного качества. Наша бригада работает по методу Александра Чухина. Брак, недоборочившей работы ни у меня, ни у моих товарищей по бригаде не бывает.

Родная семья

Валентина КАРЕБИНА,

заведущая Московского шинного завода

Я люблю коллектив, общественную работу. В школе была классным организатором.

Поможет ли сложность так, что мне пришлось из Сталингорска, где я учился в 6-м классе школы, переехать в Москву. Здесь три года работают на шинном заводе. Поступила я и на этот завод.

Боялся, что после школы буду чувствовать себя на заводе оди-

Валентина Карёбина показывает своим друзьям очередной листок «Молнии».

Фото Г. Борисова

нокой. Но мои опасения оказались напрасными. Я вновь очутился в коллективе. Здесь, на заводе, в феврале этого года меня приняли в комсомол.

У нас организовались комсомольские посты по наблюдению за чистотой рабочего места. Мне поручили такой пост в канаводном цехе. С радостью взялся я за эту работу. Я следил, чтобы в цехе было чисто, чтобы нигде не валялся мусор. Когда подводили итоги соцсоревнования, оказалось, что мой участок по чистоте занял первое место. Значит, доверие я оправдал. Потом мне дали ещё одно ответственное поручение — следить за качеством продукции. Я отвечал не только за свою, но и за соседнюю машину. В бригаде, в которой я работаю вот уже семь месяцев, не бывает откодов. Три месяца подряд мы завоевывали звание бригады отличного качества. Самое интересное в моей общественной работе — это выпуск «Молнии». Каждый день, после работы я вместе с двумя моими подругами задерживался в цехе, узнаю, где и как идут дела, затем мы выпускаем «Молнию». Передовиков мы хвалили в «Молнии», а у кого был брак — критикуем, рисуем на них карикатуры. «Молния» очень помогает.

С тех пор как вступила в комсомол, я работать стала значительно лучше. Это видно уже по тому, что зарабатываю теперь на 200—300 рублей больше, чем раньше. Часто получаю премии.

Дел всяких у нас много — скучать не приходится. Мы часто ходим в Парк культуры и отдыха, регулярно бываем в кино, в театры, многие вечера проводим в клубе. Наша комсомольская организация выезжает в деревню: приводит в порядок колхозные огорода. Скоро поедем в дом отдыха. Увлекаюсь спортом — лёгкой атлетикой.

Я успела окончить 6 классов школы. Сейчас опять взялась за учёбу, готовлюсь поступить в 7-й класс вечерней школы рабочей молодёжи, а потом пойду в техникум резной промышленности. Это уже твердо решено.

Теперь я живу интересной, полнокровной жизнью, а в будущем обещаю быть ещё интереснее. За всё это большое спасибо родному комсомолу!

Коллектив—великая сила

Евгений ОРЛОВ,

токарь-автоматчик 1-го Государственного подшипникового завода

Работаю я в шарикоподшипниковом цехе, в комсомольско-молодёжной бригаде Петрова. Делаем мы жёлоб на колёсах для подшипников. В бригаде нас пятеро парней, все примерно одного возраста. Живём хорошо, дружно, друг другу помогаем, вместе трудимся, вместе и отдыхаем. Бригада наша во всех отношениях на хорошем счету: и по производственным показателям и по общественной работе. Программу выполняем раз в два, а то и больше, браку не делаем вовсе.

А кому мы всем этим обязаны? Партии и её помощнику — комсомолу.

Ещё в начале этого года никаких бригад у нас не было. Каждый работал сам за себя. Что комсомолец, что некомсомолец — различия почти никаких. В феврале, перед XI съездом комсомола, товарищ Анатолий Борчев взялся нас уговаривать: давай, дескать, организуемся в бригаду, коллективно лучше работать. Решили попробовать, хотя многие и сомневались, что это так. А прав-то оказался Борчев. Премиями бригадной, коллективной работы мы почувствовали очень скоро, а через месяц в конце марта, меня с другими товарищами уже принимали в комсомол.

Коллектив — это большая сила. Наша бригада вышла на одно из первых мест, потому что мы работаем согласно, сообща. Комсомол тем и силен, что это огромный и дружный коллектив, что он согласно действует, что все помогают друг другу и сообща идут к одной и той же цели — строят коммунизм.

Когда в местных газетах промелькнуло первое сообщение о почине молодого мастера Ага Гусейна Кафарова, кто-то из старых нефтяников говорил, пожимая плечами:

— Ну что можно придумать в Бинагадах? Они откажут свой век.

Земля в Бинагадах сплошь перекопана и прорыта нефтяными скважинами, многим из которых по 20—30 и более лет. И вот здесь, на одном из участков старейшего промысла, комсомольско-молодёжная бригада Ага Гусейна Кафарова за четыре месяца увеличила среднесуточную добычу нефти на 40 процентов. Увеличила, не получив новых скважин, без особых материальных затрат. Более того, за эти четыре месяца она сэкономила 17,5 процента средств, отпущенных ей на расходы по участку.

Такой успех уже не мог не привлечь внимания к бригаде А. Кафарова. Кому-кому, а нефтяникам хорошо известно, что жажда лишняя тонна нефти на старом промысле даётся нелегко.

О Кафарове и его бригаде сразу заговорили во всех нефтяных районах Баку. К нему на участок приезжали учиться мастера других промыслов и районов. Его приглашали выступать на собраниях и совещаниях и поделиться опытом своей работы. И Кафаров к этому делу относился с той же высокой ответственностью, как и к добыче нефти на своём участке. Вечерами он сидит и вспоминает, что и как делала бригада, чтобы увеличить добычу нефти, чертит таблицы, диаграммы, графики, чтобы слушатели его нагляднее представили себе его опыт.

Прошло немного времени, а у Кафарова уже немало последователей, и в своём Кировском районе, и в Сталинском и Ленинском районах, и на острове Арбум, и в далёком Керчене. Секретарь Кировского райкома партии тов. Багиров сказал нам, что подъём добычи нефти в районе за последние время объясняется прежде всего тем, что Ага Гусейн Кафаров и его бригада своим примером показали мастерам глубокую веру в большие возможности старых промыслов, подсказали им пути использования этих возможностей.

Мастером Ага Гусейн Кафаров работает первый год. Он прошёл обычный путь молодого советского рабочего. Окончив 7 классов, А. Кафаров поступил в школу фабрично-заводского ученичества, затем — в нефтепромысловый техникум.

Старший брат А. Кафарова — инженер-нефтяник, средний — врач-хирург. Одно время под влиянием брата-врача, восторженно влюблённого в свою профессию, он было ушёл в медицинскую и поступил в медицинский институт.

Внезапная болезнь, а затем война помешали А. Кафарову учиться в институте. Вернувшись из армии, он, не раздумывая, пошёл на промысел.

Ему достался, по общему признанию, самый трудный участок на старом втором промысле треста «Кировнефть». Участок долго был отстоянием, и многие мастера отказывались идти туда работать. О первых днях работы на этом участке А. Кафаров рассказывает сейчас с улыбкой, а тогда не до улыбок было.

— Скважины останавливались очень часто, — говорил он. — Работает и вдруг ни с того ни с сего перестаёт подывать нефть. Только ленивцем песчаную пробку в одной скважине, смотришь, в другой её натянуло. А там насос заклинило... Бригада скорее всего была похожа на пожарную команду: она бросалась туда, где случалась очередная неприятность. А поскольку неприятности были чуть ли не каждый день, то о росте добычи при таком положении людей и не думали, старались лишь бы поддержать её на том уровне, до которого она раньше упала. Но нельзя же без конца быть в отставании.

Мы стали думать и советовать: нельзя ли удлинить межремонтный период работы скважины...

Старший геолог промысла тов. Айвола был немало удивлён, когда А. Кафаров попросил его показать архивные документы по каждой буровой за несколько лет. Много вечеров они просидели вдвоём за пухляками валяками с чертёжками, картограммами, старыми сводками, таблицами, изучая все изменения, происшедшие в буровых за последние годы. Они установили тщательный контроль за работой скважин, периодически исследовали их динамометром и другими контрольно-измерительными прибора-

НА СТАРОМ ПРОМЫСЛЕ

ми. Сопоставлялось прошлое и настоящее в главном и в деталях, рождались выводы и замыслы.

В этой большой, повестие научно-исследовательской работе участвовала вся бригада. Особенно горячо брались за любое поручение комсомольцы Рафик Эйвазов, А. Мелкузин, В. Борисов и другие. Мастер обстоятельно разъяснил бригаде значение исследований скважин, свои замыслы, и молодые рабочие невольно оставались после смены, чтобы закончить исследование. Они аносили в эту работу много смекалки и изобретательности.

Главный вывод был такой: за последние годы в скважинах провозили естественные большие износина, а технологический режим эксплуатации многих из них остался почти неизменным. Привести режим работы в соответствие с силой нефтяного пласта, сделать так, чтобы этот режим возможно полнее отвечал потребности извлести из пласта к забою буровой, полнее использовать богатые возможности новой техники и приборов—таково было решение, общая задача.

Но с чего начать? Молодой мастер начал с самого трудного, с особенно капризной скважины № 4006. В прошлом году её останавливали на ремонт 24 раза. А. Кафаров детально исследовал её и только после этого наметил характер ремонта и разработал для неё новый режим работы. Скважина не только перестала капризничать, но и на 25 процентов увеличила подачу нефти. Межремонтный период работы её увеличился в 5 раз.

Дальнейшая работа убедила мастера в том, что хотя все скважины находятся на одной площадке, на одном участке, но каждая из них отличается своим характером, требует своего подхода, не терпит шаблона. В старой буровой № 3050, которую многие считали безнадёжной, часто образовывались песчаные пробки. Нельзя ли избежать этих частых засорений? Нельзя ли сделать так, чтобы частицы песка вместе с нефтью выносились из скважины и не оседали там?—на эти вопросы А. Кафаров настойчиво искал ответы. И нашёл. После ремонта скважина стала давать нефти в 5 раз больше прежнего, а период работы её между ремонтами увеличился с 18 до 40 дней.

Так, от скважины к скважине, изо дня в день велась кропотливая творческая работа, совершенствовались технологический режим, рождались и закреплялись новые правила работы бригады, разумно обоснованные графики и планы.

Если в прошлом году скважины на участке бригады останавливались на ремонт в среднем через каждые 26 дней, то в нынешнем году они работают без ремонта по 75 дней и дают нефти на 40 процентов больше. Резко сократил количество ремонтов, бригада А. Кафарова увеличила этим время производительной работы буровых, сэкономила много материалов и средств.

Нельзя не упомянуть и о другом важном деле. Бригада А. Кафарова одной из первых включилась в поход комсомолец и молодых нефтяных промыслов Азербайджана за возрождение старых, давно остановленных скважин. В нынешнем году она восстановила и ввела в действие восемь таких скважин, некоторые из них были остановлены как безнадёжные, отжившие свой век, много лет тому назад.

А всё это, вместе взятое, помогло бригаде за полгода увеличить добычу нефти на своём участке почти в два раза. Явление невиданное, небывалое ни на каком другом промысле.

Рассказывая нам о своей бригаде, о её погоне, о соревновании нефтяников за увеличение межремонтного периода работы скважин, Кафаров говорит, что он и его товарищи выросли за эти полгода так, как не росли раньше за год или даже за два года.

— Вы спрашиваете: легче ли стало сейчас мне и бригаде? Веселее. Мы добились того, к чему стремились: сейчас мы диктуем свою волю буровым.

С. Селюк

На снимках: бригада А. Г. Кафарова. Кафаров вместе с инженером 2-го промысла К. Р. Эйвазовым за подбором нового насоса. А. Г. Кафаров. Секретарь Кировского райкома партии Я. Т. Багиров и заведующий 2-м промыслом В. Т. Костищев интересуются работой знатного нефтяника.

Фото Ф. Шевцова (ТАСС)

Судьбы

ИЗ РОМАНА «ЗЕМЛЯ КУЗНЕЦКАЯ»

Когда-то ещё в детстве между Черепановым Михаилом и Савоськой Емельяновым совершенно незаметно для обоих, началось ожесточённое соперничество. В причинах этого они не пробовали разбираться, но при случае один кидал в сторону другого:

— А что я сделал, раз у него характер такой... Ни в чём спуску не даёт.

На том и стояли оба. Уже вытупавшие, позорившиеся, голоса у них ломились попетушиному, а они всё не позволяли одному другому взять хотя бы в чём-нибудь перевеса. Если отличники в учёбе — то оба, если алмазники — то оба, если танцоры — хоть под руки выводил то и другого из круга.

Кончился учебный год. Состоялся выпускной вечер. Уже после торжественного заседания Савоський с Михаилом встретились в коридоре. Обоим только что были вручены похвальные грамоты с абсолютно одинаковым количеством пятёрочек. Стояли они в коридоре они нечаянно, но успев даже приготовить соответствующее выражения на лицах, но оглядевшись друг друга довольно холодно, даже небрежно.

— Ещё увидимся, — сухо и не без намёка сказал Черепанов.

— Конечно, о чём разговор, — кинула Емельянов и зачастую вил по стульям.

Он прошёл по коридору и, толкнув створчатую стёкланую дверь, спустился на балкон. Где-то позды, в классах, шумели выспущенки, настраиваясь оркестр, чей-то очень знакомый голос начинал песни:

— Широка страна моя родная...

А внизу, в толпеовом садике, и дальше, в полях за Старо-Кузнецком, наступала ночь. Пахло черёмухой, молодыми травами, и сердце почему-то билось часто и гулко.

Всё это осталось во вчерашнем дне. А то что было?

Недалеко от Старо-Кузнецка поднимались в последние годы ещё другие заводы. Можно было бы пойти на один из них. Пока отец воевал, Михаила в семье оставался за старшего мужичику. Но его тянуло на уголь, может быть, потому, что это было трудное и, казалось, ему, полюблённое. Мать же в разговорах с соседками объясняла это просто:

— В нём ещё люди Митрия кровь горит. Крепок батюшка был, почитай, до девятости годовок в шахту хаживал!

Налево уходила Михаила на соседней рудник: чемадончик в одной руке, свёзка книг — в другой.

В ФЗО ему предлокази учиться на машиниста шахтных установок. Он отклонил, попрощавшись прямо на уголь.

— Конечно, правильное будет на уголь, — согласился директор. — Парень ты сильный, а механизмы всё равно изучать придётся, без этого сейчас в шахте делать нечего.

Черепанов так именно и рассудил. Во-первых, смелёк заниматься действительно не придётся, во-вторых, заводчик — всё же главная фигура в шахте, в-третьих, было ещё одно обстоятельство, о котором ни не мог ничего сказать директору.

А заключалось это обстоятельство в том, что в первый же день по прибытии в ФЗО Черепанов встретился, к своему удивлению, с Савоським Емельяновым.

Савоський вообще двумя годами старше Черепанова и здесь на месяц раньше поступил учиться в группу заводчиков. Увиделись они в тот момент, когда Емельянов, как нарочно, стоял в самой небрежной позе у доски почёта, на которой красовался его собственный портрет.

Один другого опережал на месяц? Один отличник, а другой ещё нет?! К тому времени от мальчишеского соперничества у них ничего не осталось, на смену ему пришёл молодой порывистый зазор.

— Если жить, так чтоб дух захватывало! — албил теперь повторить Емельянов.

Михаил изволовался, ему нужно было наверстать. А тут ещё отец из-под города Бреслава запрашивал: «Как дела, сынок?»

Курс обучения они закончили одновременно и тут впервые обстоятельно поговорили.

— На днях разговаривал с одним инженером, — важно сказал Емельянов. — Тут знаешь, какие перспективы!..

— А ты на какую шахту?

Роман Александра Волошина «Земля Кузнецкая» посвящён о людям одной из шахт Кузнецкого бассейна. Действие романа происходит в послеславенные годы. Предлагаемая вниманию читателя глава посвящена комсомольской бригаде заводчиков, недавно только окончивших свой фронт в добровольном, недавно только окончивших своё обучение на шахте авторитет и всеобщее уважение.

Герой романа инженер Рогов, гвардии капитан, после тяжёлой контузии возвращается в Кузбасс, и здесь начинается его горячая деятельность, которой он отдаётся со всей страстью и самоотверженностью бойца. Он становится выразителем мыслей и стремлений всего горняцкого коллектива в своей борьбе за механизацию шахты, за передовые методы работы, за культуру на производстве и в быту.

Эта борьба, в которой принимают участие и молодые рабочие с бригадой черепановцев во главе, и старые шахтеры, такие, как Хмелёвиченко, и передовые техники, как Абушица, полна трудностей, острот, противоречий, ответственных, смелых переделов от старого к новому. Михаил, пройдя посвящение этой борьбе, утратил всё, почитаю его на большую моральную высоту. Двое — трое нравственно берных людей, изображённых в романе, не в силах остановить движение вперёд коллектива, коллектив отбрасывает их от себя, оставляет их позади.

Мысль о благо народа, о счастье и процветании страны — родине, коммунизма — вдохновляет прекрасных советских людей, образы которых даны в романе молодого сибирского писателя Александра Волошина.

Борис АГАПОВ,
лауреат Сталинской премии

— А ты?

— На «Капитальную».

— А я пока решаю на десятой побеготать.

— И правильно, — согласился Черепанов.

— А что?

— Как что? На одной-то нам, пожалуй, тесновато будет!

Молча согласившись с этим, Емельянов вскозьял заметить, что подумывает жениться, сейчас, конечно, а так через годик, поааа...

— Опасно, набомут... — усомнился Михаил.

— А я подумаю. Меня ведь не припекает.

И вот сегодня, через какой-нибудь год после этого разговора, произошло совершенно удивительная встреча. Михаила застала Емельянова на рынке за странным занятием. Поднял над голозой детскую цинковую ванночку, тот рассматривал на солнце её днище.

Черепанов расхохотался.

— Ты куда, пацан, ты как, наиважившись в этой посудине?

Савоськин испуганно оглянулся и покраснел.

— Тут, понимаешь, какое дело!... он стукнул твёрдым ногтем в дно ванночки. — Шахтоуправление отгрохало мне индивидуальную домик!

— Что же ты в этом тереме делать будешь? — снова удивился Черепанов, с абсолютным разглагольствием окончательно повзрослевшего, раздвигавшего в плечах земляка.

— Ну, как что, — усмехнулся тот, — жить конечно. Жду сына, понимаешь, вот и посудина пригодится, — доверчившись, он кинул в рыночную толпу. — Катя!

Подшла Катя. Когда-то одновременно с молодыми заводчиками она училась в ФЗО на отделении мотористов. Черепанов отметил про себя, что её круглое смугловатое личико полурядило. Рот был широким, на верхней губе и на подбородке проступали тёмные пятна.

— Здравствуйте, Миша, — сказала Катя и смущённо улыбнулась; так по крайней мере показалося Черепанову.

Всю дорогу до общепита он презрительно хмыкал:

— Ха, ванночку посулаю!

И тут же твёрдо решил, что Савоська мало выиграет, обогнав его в таком деле, как женитьба. Это было от Черепанова где-то ещё за тридцать земель.

Но странное дело: после этой встречи общепит показалося почему-то неустрашимым, изумительным. Черепанов рассматривал общепит Митеньку, который попла на четвереньках, и прямо на некрашенном полу угаив выкрикивал что-то житроуное, в то время как четверо остальных бригадников сидели вокруг на корточках и глумомосенно кивали после каждого слова товарища. Рот был широким, на верхней губе и на подбородке проступали тёмные пятна. Митенька изобретал вот уже второй месяц и которая, по мнению автора, должна была произнести революцию в горной технике.

— Понятно? — строго спрашивал изобретатель. — Целики эти уберечь, и что получас! Отсюда давайте, отсюда тоже, а с этого конца знай бери, знай гоним порожняк!

— Да... с сомнением говорит Юрий Савосек. — Если уж она давайте, то тут не порожняк, а гроб потребуется.

— Гроби! — Митенька с презрением глядит на критику. — Эх ты! Да! Как гроб-то? Уголек ведь самосильно идёт, его кровля выпадает.

Черепанов лёг на кровать и, отвернувшись к стенке, сделал вид, что уснул. Но только закрыл глаза, как перед ним опять встал Савоська со своей ванночкой.

Ну и пусть, подумывает, велика картина! Бригада своё: одноушники, дружок, как вы Черепанову, бригаду заводчиков.

Ого, это ещё известно, что завод бы Савоська, заводился ему хотя бы девёк побить на месте Черепанова с пидокогда тому назад. Люди, правда, собрались в бригаде хорошие, но пока приывалм друг к другу, всё оривалось, чуть чего — и уж жалдинь, как петухи, в позицию становятся. Пойдём в комсомольский комитет, а там говорят:

— Ты бригадир, нажимай на воспитательную работу! Воспитательная работа! Санька Луккин тоже постоянно жузит над ухом:

— Что такое, будут нас воспитывать или нет?
— Тебя же сегодня Василий Очередыо целый час воспитывал, — отозвался как-то за бригадир Митенька.

Вот думай здесь о воспитательной работе, когда в забое их версёрёз не принимают и от начальника участка натерпелись. Выдала, забросил лесу на три — четыре уступа, а чуть закинулся, кричит:

— Что? Опыт лес нужен? Да вы что, с ума посходили, я не успеваю обеспечивать опытных людей!

Вот и поговори с такими, как будто опытные люди сами собой вытекают.

Были, конечно, чудеса и в бригаде... Однажды Митеньку посылал в магазин за продуктами, а он принёс каждому по шпале. По дороге, видите ли, вспомнил, что состоится молодёжный вечер, на котором бригада должна быть представлена в лучшем виде.

Насадил шпалы одна на другую. Черепанов тихо спросил:

— А эти... как их... ну с хвостами... фракты ты не купил?

Узнав потом про историю со шпалами, Очередыо завыл:

— Ничего, ничего, можно сказать, в гору идёт!
Гораздо лучше стало после того, как седьмой участок отошёл к району Рогова. После первой же беседы Павла Гордеевича стал настойчиво, сурово, но по-настоящему заботливо подбадривать бригаду: смелее, смелее!

Как-то получив задание работать в давно оставленной лаве. Даже мимолётный осмотр убедил Черепанова, что сменный наряд едва ли удастся выполнить. Две породных прослойки наискосок пересекались полутораметровыми пластами, крепление нарушено, спускающая печь забита разным хламом. Бригада вознегодовала.

— Сообщить немедля Павлу Гордеевичу! — решительно заявила Митенька. — Что в самом деле Павел Гордеевич такую жизнь пропущет за эту лаву...
На это и порешили. К телефону командировали всё того же Митеньку.

— Скверная лава? — переспросила Рогова.

— Это же — безобразие, Павел Гордеевич! — затаропилась Митенька. — Комсомольскую бригаду засылают в такую невозможную дыру! Прямо сплошной подрыв. Мы уже полтора часа боимся.

— Боитесь?.. — Рогова помолчала. — Ну боитесь на здоровье. Вдвигать будем.

Митеньку эти слова просто по голове ударили. Он испуганно поглядела в телефонную трубку, осторожно повесил её на рычаг и бешено выскочил из диспетчерской. На участок бежал, запинался, и даже всхлипывал.

— Рассеялся! — закричал он ещё издали. — Рассеялся! Кто за вас будет работать? Эх, вы!

Он больше ничего не мог сказать от горя и гнева, да его и расприснавив не стали. Кинулись в лаву, побоели за ассом, за порожником.

К концу смены загнали Рогов. Прощёй по уступам. Комсомольцы насторожились: поругает за жалобу или похвалят за

смену, потому что лава буквально преобразилась. Не поругал и не похвалил. Остановившись около Черепанова, сказал:

— Остался час. Подкрепите верхние уступы по хозяйски, с затяжками.

Когда шли домой, Санька Лукин вдруг всколыхнулся:

— А мы разбежались, раскряпались: «Пожалуйста нас, товарищ Рогов»!

— Мы бедные комсомольцы! — подхватила Черепанова. — Нас чужой дядя обидел.

Все дружно расхохотались. После таких вот случаев было не обидно, а стыдно, что, дышало свободнее, потому что работа стала доставлять радость, а настоящая человеческая дружба согревала.

Взять того же Хмельченко. Он явился в общежитие вместе с комсоргом Аней Ермаловой, на второй же день после памятного стахановского счёта. Поздоровался, постоял у порога и неожиданно спросил:

— Здесь и живёте?

— Здесь и живём, — ответил ему хором.

— Здорово! — без особого энтузиазма отметил Хмельченко. — Ничего не скажешь, грязновато живёт... С такой культурой наш Кузбасс далеко не укачет.

Повенувшись к Ермаловой, он поднял короткий толстый палец и сказал негромко, но внятно:

— Тебе даны почётные обязанности от комсомола, так куда же ты смотришь! — У вас нас, в самом деле — махнул он вдруг рукой. — Не буду я сегодня разговаривать с вами, зайду завтра.

Назавтра комнату победил, белёй на постелах сменали. Юрий Саенко уже не валался на кровати в брезентовых штанах...

Хмельченко пришёл и улыбнулся в реденькие усы.

— Смотри-ка ты, перевоспитались! — нето похвалил, нето связывал он.

В бригаде почему-то ожидали, что забойщик немедленно же приступит к оформлению договора на социалистическое соревнование.

— Он же такой дотошный! — уверяла Санька Лукин, паренёк из местных. — Он даже свою выработку записывает каждую смену. Но Хмельченко ничего оформлять не стал, а просто побла чась два и поговорил обо всех разностях. Молодёжь быстро освоилась с ним. Митенька с Санькой заспорили о том, кто является главной фигурой на шахте.

— Забойщик! — утверждала Митенька.

— Хватил тоже забойщик! — презрительно спавнула Лукин. — Инженер — самый главная фигура.

— Ну, ну, фигуры! — примирительно заметил Хмельченко. — Главной тот, кто лучше работает.

— Вот...! — вот! — подхватила закивавшая Юрий Саенко. — Вводили Очередыо. Т-тоже итээр, а что у него к чему, — и-не разберешь.

— Пустяк-человек, — согласился Хмельченко, — пыжится, пыжится, думаешь, гору родит, а посребил такого сверху самую малость — останется одна голая сущность.

Рисунок Л. Котлярова

Первым выступил Черепанов. Сдерживая обиду, готовую прорваться в грубом слове, он объяснил, в каком положении попала бригада в связи с прогулом Митеньки...

С лёгкой руки Хмельченко в бригаде начальника участка так и прозвали: «Голая сущность».

«Какая неслыханца получается», — думал Черепанов. — Очередь, эта «голая сущность», — теперь уже не начальный участок, а «исполнительные обязанности районного инженера», как он сам определился. А Рогов, рядом с которым так работало, в последнее время, Рогов почему-то уходит на дежурство. В бригаде услышали про это и долго молчали. Потом Санька Лукин начал издавать, что, вот, у него на десятой гётке живёт, она, может быть, и не такая, впрочем, рождающийся, но очень уже хорошая женщина и давно приглашает его, Саньку, перебраться к ней. Сладует, пожалуй, подумать об этом всерьёз?

— А она, случаем, всю бригаду не посылит к себе? — простовато спросил Митенька и тем выдав общую тайную думку: хорошо бы всем на дежурство, побавить Гордеевичу, а то и бригадирскому самому выматывать и сказать, чтобы бросил эти пустые разговоры: не об этом думать нужно.

Думы-то эти и мешают сейчас уснуть, да и поздно, скоро на смени.

Михайла прислушавшись к новому спору товарищей. А-а, они о выезде! Также изобретение Митеньки.

Вчера в городской газете был напечатан очерк об их бригаде — «Молодые силы». Духовный очерк получился, но Митенька по поспешному продолжал, написав на входных дверях в общежитие: «Здесь живут молодые!»

Саенго сейчас решительно возражает:

— Убери! Смех один для прохожих.

— Может, попробуем? — предлагает Лукин, но Черепанов в это время вскакивает, смотрит на часы, и спор моментально прекращается: пора на смени.

Работалось в этот раз неплохо. Пришлось немного повоевать из-за порожника, из-за леса, а вообще получалось здорово, даже в костях слегка гудело. Захватив свой пак, Черепанов прошёл по всей лаве — всё делалось по-настоящему, надёжно. Только почему-то Митеньки нет в верхних уступах.

— А где Годобин? — обратился Михайла к Сибирцеву.

Георгий, не торопясь, приглядывал кин между стойкой и кроватей, одним ударом заглянул его измертво и только тогда отозвался:

— Кто же он знает, где он. Часа два, как закончил работу.

На вопрос Черепанова табельщик тоже ответил, что «такого не видел». Немного обеспокоенные пришли в общежитие, а Митенька, оказывается, была дома и уже умытый, розовый киятин чай.

Вразумил! — вытаращился на него Саенго и оскеса, заметив сидевшего у окна Дубинцева.

— Пейте чай, стаканчики и ударики Кузбаса, — зовала Митенька, переставивая ведёрный чайник на стол, — и захватили в магазин сахар, хлебцу...

Бригадирский ахнул, но выразил своего удовольствия по этому поводу, а Черепанов молча снял бушлат, взял чайник и вышел килиток в умывальник.

— И чего вы, в самом деле? Норму-то я выполнил, — попробовал умиловать Митенька, но, не отскан на лицах товарищей и следя сопутствием, потоптался на месте и растерянно, бочком прыгнул на кровать.

— По какой линии будем: по административной или по комсомольской? — обратился к бригадир Лукин, испанявший обязанности группомоора.

— По всем сразу! — решил Черепанов.

А в чём дело? — удивился Дубинцев, который зашёл для того, чтобы провести по поручению наркомта беседу о пятилетнем плане бригады.

— Прогугай! Два часа! — разъярился Саенго.

Первым выступил Черепанов. Сдерживая явную, готовую провалиться в грубом слове, он объяснил, в какое положение попала бригада в связи с прогулами товарищей. На дикт устно возмущались, кто-то по соревнованию с Хмельченко. Но какие же это итоги, когда в бригаде прогуг? Этого же не скроешь! Да и от кого скрывать? От государства?

К тому же вчера поступила вызов на соревнование от мола-

дэжной бригады Савостьяна Емельянова. Чтобы ответить на это, нужна тоже чистая совесть. Черепанов потучал кружкой о стол.

— Всем это понятно?

— Выгугай! — категорическим тоном заявил Саенго.

— И опубликуйте! — поддержал Лукин.

— Придётся! — осторожно приставил Георгий Сибирцев и так же осторожно сел, потому что редкий стул выдерживал его тяжёловесную фигуру.

— Давайте всё же разберёмся! — предложил Дубинцев. — Мне интересно, зачем было Дмитрию позорить бригагу?

Страсти немного улеглись. Стало разбираться по порядку. Попросили объяснений от самого Митеньки.

— Я, конечно, виноват... — сказала он и беспомощно оглянулся.

— В чём же? — спросил Дубинцев.

— Пришёл куда-то, разбежался, как думал, яскину чаек, всё пригугало... Придур, да ещё и похвастал, удалой, скажу...

— А норму, значит, выполнил?

— Вот, насчёт нормы! — охнула внезапно Митенька. — Я больше не согласен на это. Нашесть человек, а уступил в лаве двенадцать часов, выходя по два на пай? Я не согласен на это. Скудно.

— Это правда, — быстро согласился Сибирцев, — получается как кое-то баалоство...

— Тесновато, конечно, — согласился и Саенго.

В тесноте, да не в обиде! — попробовал выйти из положения Лукин.

— Кто не в обиде? Шахта или ты? — нахмурился Черепанов и впопыхалось оглянулся на Дубинцева.

Самый молчаливый в бригаде Алексей Алешков, иай, попусту, цыганский, как его звали, как его звали, как его звали, почесал смальные куаи.

— Что ж теперь, разберётся кто куда?

Над этим всерьёз задумались, забыв временно о Митеньке. В самом деле, что же делать? Пока работа налаживалась, пока душой и сердцем входили в дело, учинался, завоевывали право называться шахтерами, всё было ладно, привычки чувствовали рядом друг друга, так теплое жеало. Но незаметно для себя они выросли, и им действительно стало тесновато в лаве.

Дубинцев, сам вступивший только что в большую жизнь, с удовольствием смотрел сейчас на молодых забойщиков, занятых поиском ответа, как же работать дальше, как устроить, чтобы и вместе были, и не мешали друг другу. Дубинцеву пришлось признать себе, что он прогадал, как недавние ученики превращались в настоящих шахтеров.

Вывод напрашивался простой: тосно в двух уступах — пусть бродит по четырем, так как было. Но бригаде доажно из одностороннего превратиться в сучтожную. Дубинцев стал прикидывать, куда же взять ещё трёх забойщиков, чтобы на каждую смену выходило по три.

Не надо, не надо, — запротестовала Черепанов и возбуждённо пропелась по комнате. — Мы будем по двое выходить в лаву.

— По шесть уступов на пай? — удивился Дубинцев.

— Честное слово! — подхватил Сибирцев и, неосторожно повернувшись, вываж из уст такая жаобный скрип, что все укоризненно оглянулись.

Вот только Очерёдько... — усомнился Черепанов и подоседал: — Ох, нет Павла Гордеевича! И зачем только его погнаи на дежурство шахты, ведь при деле бы человек!

— Это особый разговор, — заметил начальник участка и, заразившись общим нетерпением, спросил, подзадерживая: — Значит, по два человека на смени?

— А как же со мной? — робко подал голос Митенька.

К нему повернувшись все сразу покусывались лии.

— Вот заговзика, — сказал Черепанов озадаченно, но уже без особой неприязни. — Есам выгугай из бригады, душа не поворачивается.

— Ну, куда я без вас денус? — взмолился Митенька.

— Впаиуть выговор... — несмело предложил Саенго.

В этом и порешали. Собираясь уходить, Дубинцев заметил, как в лаву Саенго, затиснул Митеньку, крутнул у него под своим плащам и многообещающе предупредил:

— Это официально, понимаешь, официально! А в рабочем порядке... позднее, мы ещё поговорим!

СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ

Столетие Сормовского завода имени А. Я. Миданова превратилось в большой и яркий народный праздник. Люди с радостью отметили вели труд и борьбы старшего русского завода, снискавшего революционную славу. К берегам Волги летели сердечные приветствия с Украины, из Грузии, из среднеазиатской республики, из Сибири. Вереницы автомобилей, поезда и троллейбусы, специально выделенные паровозные речные трамваи доставляли в Сормово тысячи гостей.

Каждый останавливался около большой выставки, повествовавшей о столетии завода-братства.

Гости смотрели на старые фотографии и документы. Грозная Большая Сормовская дорога... Убогие жилища... Заводские цеха. Первые маяки и первые демонстрации, первые баррикады и первые битвы за свободу и счастье народа.

Стоило гостям отвести взгляд от этих документов, как улыбка радости появлялась

на их лицах — рядом шумели красноречивые, голубые асфальт заводских проспектов, плесну блуждали цветы, и люди сами отрывались портреты галереи становились, перахвачив рабочим, для труда стал счастьем. На самом нижнем месте среди цветов и зелени выделялся портрет товарища Сталина, которому, как и все советские люди, обязаны своим счастьем, радостью жизни.

Каждому торжественного юбилей каждому хотелось обратиться со своими мыслями и чувствами к товарищу Сталину, выразить ему искреннюю любовь и благодарность.

В праздничный день завод облетела радостная весть: товарищ Сталин прислал призыв к борьбе за свободу, за мир, за социальную Паровозную площадь. Шли семями, шли с песнями.

Многогласный коллектив сормовской фабрики на общезаводской митинг. На трибу-

не парторг ЦК ВКП(б) на заводе Ф. П. Козин, и не представитель министерства транспортного машиностроения И. И. Насыкин. Министры огласили приветствие товарища И. В. Сталина и Указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении завода вторым орденом Ленина и награждении орденами и медалями советских рабочих, служащих и работников завода.

С восторгом приветили сормовичи приветствие товарища Сталина. Дад Волгой посплылись грамоты ура.

В ответ на приветствие товарища И. В. Сталина и Указы Президиума Верховного Совета награды сормовичи встали на стахановскую вахту. Стахановцы Михаил Балабанов, Николай Анисимов, Александр Воронцово выдвинули скоростные плавыи. Из каждого цеха несутся рапорты о новых трудовых подвигах сормовичей.

Е. РЯБИЧОВ.

Зина Тикова, полкавица, провозница Истребителей.

Т. ЛЕОНТЬЕВА

„Нашего полку было“

— Какой нахос вы поставили?

— Всасывающий.

— А фильтр предусмотрели?

— Конечно. Вот он.

Члены государственной комиссии переглядываются. Должно быть, им нравится этот уверенный молодой человек, который стоит у доски с указкой в руках.

Отвечает он тайфодо. Однако мелкие капельки пота блещут у него на лбу. Лишние выходы никак не поддаются оглашению их нум.

Молодой человек волнуется.

— Вот схема разборки шлифовального станка с гидравлическим приводом типа «З15».

Рука с указкой протягивается к чертежам, выполненным на прекрасной чертёжной бумаге.

Защита дипломного проекта...

Обстановка знакома: чертёжи прикреплены к доске, стол государственной комиссии заставлен зелёным сукном. Председатель задаёт «новаторские» вопросы. Так это обычно бывает при защите дипломных проектов в вузах или техникумах.

Только здесь за оном шумит завод. Шум входит в открытые окна и приглушает голоса. У дипломантов слишком уж юный вид и на лицах привыкли с буксами «РЭ».

Дипломные проекты защищают ученики ремесленного училища. Ремесленное училище № 1 расположено рядом с заводом имени Сталина. Только небольшой переулок, полный зелени, как узенький зелёный ручеек, отделяет училище от основных цехов завода.

Ремесленное училище № 1 — одно из юнейших в стране. Оно готовит наладчиков, автоматов, фрезеровщиков, токарей, слесарей, столяров. И на заводе, где, пожалуй, все учатся в вечерних и заочных институтах, в техникумах, на курсах, — ремесленное училище — просто первая ступень, вот и всё.

Становится жёстким правилом, что, окончив ремесленное училище и проработав год на заводе, молодой рабочий обязательно идет учиться дальше.

Те, кто кончат школу рабочей молодёжи, такие не останавливаются. Они идут в вузы и техникумы.

Можно назвать сотни командиров производства на заводе, которые прошли именно этот путь.

Этот путь начинают теперь и выпускники ремесленного училища, которые сдадут сегодня государственные экзамены.

В ближайшие дни они станут в станкам, тискам и машинах. В цехах их уже ждут.

Заводская газета «Сталинец» отмечает это событие под рубрикой «Нашему полку прибыло».

Совсем недавно под этой рубрикой был помещён дружеский шарж на Ивана Карпова, токаря механосборочного цеха № 4, который окончил ремесленное училище в прошлом году.

Стоит молодой человек богатырской наружности. Одной рукой он выжимает перчатку и другой томе. Под рисунком подписи в стихах:

Экзамен надо было сдать.

Он сдал экзамены на пять.

Себе он верен неизменно.

Теперь дадут пять норм за семью.

В этом году таких отличников целый список: Шанский, Тамирин, Гусев, Бородин, Комков, Короткий и многие другие.

Георгий Короткий, Андрей Комков и Таян Бородинская (она кончает училище в будущем году) построили совместно макеты действующей паровой машины и двигателя внутреннего сгорания. Они даже внесли в свои машины некоторые конструктивные изменения: вместо литого корпуса построили разборный, изменили зажимную коробку, цилиндры, трансмиссер.

Их учителя Василий Иванов, Сантусов, преподаватель физики, который работал с ними в изобретательском кружке, сам ещё очень молод. Он студент пятого курса.

В своё время он также окончил ФЭУ, работал на Коломенском паровозостроительном заводе, окончил техникум, был на фронте и вот теперь кончает вуз. Ему самому предстоит в будущем году защищать дипломный проект.

Он сопровождал своих учеников к столу выпускной государственной комиссии, помогает им прикладывать к доске чертёжи, волнуется. Да и как не волноваться! В комиссии присутствуют представители завода, директор училища. Приехал заместитель министра трудовых резервов тов. Власов.

...Вы проходите узким зелёным переулкум, отделяющим ремесленное училище от завода, и вы выходите на центральную заводскую магистраль.

Ворота завода открыты, и видно, что весь огромный завод утопает в зелени. Тенистые аллеи и пёстрые огромные наумы. Залы зазвута и машинного масла сливаются со сладким медовым запахом, который источают липы.

Какой-то совершенно особенный воздух здесь, на этой заводской улице.

На остановке автобуса пожилой человек, далеко быть, бухгалтер, останавливается поглазом от пыли.

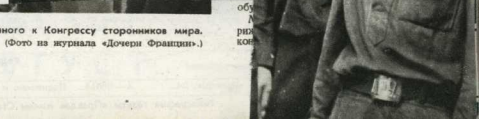
Это вызывает улыбку у юной и дерзкой со связками книг подмышкой. Они такие идут заводского автобуса.

Прислушайтесь: о чём они говорят: о тонких многоступенчатых полуавтоматах, которые заменяют 12 простых токарных станков, об автоматических линиях, установленных в цехе лауреата Сталинской премии Иванова, о романе «Белая берёза».

Какая удивительная молодёжь!

Но вы можете не показывать им ни своего волнения, ни своего удивления: они этого не поймут.

Какая, они всё очень хорошо понимают, а вот этого не поймут. Всё, что их окружает, всё, что они делают и о чём говорят, кажется им совершенно естественным и закономерным. Устранение противоречий между утилитарным и физическим трудом — для них не отдалённая мечта, а близкое будущее.

На с ним как (своих) винах; мастер фрезерной группы С. Е. П. провозит работу Ивана Карпова; начальник моторного цеха И. Карпов (Фото из журнала «Дети Франции».)

Фото Г. Борисов

Т. ЛЕОНТЬЕВА

„Самое почку любимое“

- Какой часок вы поставили?
- Васемнадцатый.
- А фильтр предусмотрели?
- Конечно. Вот он.

Члены государственной комиссии переглаждаются. Должно быть, им нравится этот усердный молодой человек, который стоит у доски с указкой в руках.

Отвечает он твердо. Однако мелкие капельки пота блещут у него на щеках. Пышечные нитки никак не поддаются оглаживающей их руке. Молодой человек волнуется.

Вот схема разборки шрифтового станка с гидравлическим приводом типа «З15».

Рисунок с указкой протягивается к чертежам, выполненным на предрасной чертёжной бумаге.

Защита дипломного проекта...

Остроумная аналогия: чертёжники приделаны к доске, стол государственной комиссии зрелан зелёным суном. Председатель задаёт «новарные» вопросы. Так это обычно бывает при защите дипломных проектов в вузах или техникумах.

Только здесь за оном шумит завод. Шум входит в открытые окна и погмгивает голоса. У дипломантов слишком уж юный вид и на посах прядки с бумажки «РУ».

Дипломные проекты защищают ученики ремесленного училища. Ремесленное училище № 1 расположено рядом с заводом имени Сталина. Только небольшой переулком, полный зелени, как узенький зелёный ручеек, отделает училище от основных цехов завода.

Ремесленное училище № 1 — одно из крупнейших в стране. Оно готовит наладчиков, автоматов, фрезеровщиков, токарей, слесарей, столяров. И на заводе, где, пожалуй, все учатся в вечерних и заочных институтах, в техникумах, на курсах, — ремесленное училище — просто первая ступень, вот и всё.

Становится жизненным правилом, что, окончив ремесленное училище и проработав год на заводе, молодой рабочий обязательно идет учиться дальше.

Те, кто кончат школу рабочей молодежи, такие не останавливаются. Они идут в вузы и техникумы.

Можно назвать сотни командиров производства на заводе, которые прошли именно этот путь.

Этот путь начинают теперь и выпускники ремесленного училища, которые сейчас сегодя государственные экзамены.

В ближайшие дни они станут и станкам, тискам и машинам. В цехах их уже идут.

Заводская газета «Сталинец» отмечает это событие под рубрикой «Наше почку любимое».

Совсем недавно под этой рубрикой был помещен дружеский шарик на завод Калерия, токаря механического цеха № 4, который окончил ремесленное училище в прошлом году.

Стоит молодой человек богатырской наружности. Одной рукой он вынимает папку и другой томе. Под рисунком подписи в стихах:

Экзамен надо было сдать,
Он сдал экзамен на пять.
Себя он верен не изменит:
Теперь даёт путь нори за смену.

В этом году таких отличников целый список: Шанский, Тамарин, Гусев, Бородин, Комков, Короткий и многие другие.

Теодор Короткий, Андрей Комков и Тами Бородине (она кончат училище в будущем году) построили совместно макеты действующей паровой машины и двигателя внутреннего сгорания. Они даже внесли в свои машины некоторые конструктивные изменения: вместо литого корпуса построили разборный, изменили золотниковую коробку, цилиндры, трамплер.

Их учитель, Василий Иванович Сивунов, преподаватель физики, который работал с ними в изобретательском кружке, сам ещё очень молод. Он студент пятого курса.

В своё время он также окончил ФЭУ, работал на Коломенском паровом заводе, окончил техникум, был на фронте и вот теперь кончат вуз. Ему самому предстоит в будущем году защищать дипломный проект.

Он спонсорствует своих учеников и столу выпускной государственной комиссии, помогает им принашивать к доске чертежи, волнуется. Да и как не волноваться! В комиссии присутствуют представители завода, директор училища. Приехал заместитель министра трудовых резервов тов. Власов.

...Вы проходите узким зелёным переулком, отделяющим ремесленное училище от завода, и выходите на центральную заводскую магистраль. Смена... Ворота завода открыты, и видно, что весь огромный завод гомлет в зелени. Тонистые аллеи и пыльные огромные клумбы. Запах мазута и машинного масла сливается со сладким медяным запахом, который источает липы.

Какой-то совершенно особенный воздух здесь, на этой заводской улице.

На остановке автобуса пожилой человек, должно быть, бухгалтер, отмахивается портфелем от чмелы.

Это гомлетает улыбки у юной и девушек со связями книг подмышкой. Они таяне идут заводского автобуса.

Прислушайтесь, о чём они говорят: о тонких токарных станках, об автоматических линиях, установленных в цехе лауреата Сталинской премии Маюнова, о рокане «Белая берёзка».

Какая удивительная молодёжь!

Но вы можете не показывать им ни своего волнения, ни своего удивления: они этого не поймут.

Кажется, они всё очень хорошо понимают, а вот этого не поймут. Это их окружает, всё, что они делают и о чём говорят, кажется им совершенно естественным и закономерным. Устранение противоположности между умственным и физическим трудом — для них не отдалённая мечта, а близкое будущее.

На скамьях (сверху вниз): мастер фрезерной группы С. Е. Петичин проверяет работу Нины Кринуковой; начальник моторного цеха завода имени Сталина лауреат Сталинской премии В. П. Набеседует с будущими рабочими, учащимися ремесленного училища.

Фото Г. Борисов

«Пущенного к Конгрессу сторонников мира. (Фото из журнала «Дочери Франции».)

МОЛОДЫМ СОВЕТСКИМ ДРУЗЬЯМ

Гостиные в Советском Союзе видные антифашисты, борцы за мир и демократию, американский певец и общественный деятель Поль Робсон и известный чилийский поэт Пабло Неруда обратились со следующими словами к читателям «Смены»:

К СВЕТЛОМУ БУДУЩЕМУ

Поль Робсон.

Мое знакомство с советской молодёжью началось пятнадцать лет назад, когда я впервые побывал в Советском Союзе. Тогда я словно перенёсся на другую планету. Впервые за всю жизнь я почувствовал себя равноправным членом общества. Жившие в СССР мои друзья-негры вместе со всеми учились, творили, строили. Мне захотелось, чтобы и мой сын увидел этот чудесный мир, и я послал его учиться в московскую школу. Иредра приезжая в СССР, я видел, как преображается год от года ваша страна. Часто моими экскурсоводами по новой Москве были мой сын Поль и его товарищи по школе. И мне хочется сейчас, со страниц «Смены», передать привет моим первым советским молодым друзьям и вместе с ними их сверстникам, их старшим товарищам и их подрастающей смене.

Вряд ли директор колледжа, в котором я учился и должен был сидеть на скамье для цветных, отдало от белых, гордится тем, что я был в числе его учеников. Разве может негр в США быть гордостью спесивых педагогов, в свою очередь, выучивших Уолл-стрит? А вот в Москве, недавно после одного из моих концертов, ко мне подошла женщина и рассказала, что она сестра директора школы, в которой учился мой сын, и что у них в доме по сей день висит фотография моего сына.

И мне хочется рассказать о союзнниках моего сына и его воспитателях о той трудной борьбе, которую ведёт Поль в рядах прогрессивного движения молодёжи в Америке. Их много у нас, таких юношей и девушек, чёрных и белых, решивших противостоять оси Уолл-стрит — Вашингтон. Распространяя коммунистическую и прогрессивную печать, мои юные друзья помогают донести до простых людей Америки правду о преступномговоре империалистов, следы которого видны в различных доктринах, планах и пактах. Участвуя в пикетах забастовщиков, молодёжь демонстрирует свою солидарность с требованиями рабочих, над которыми сейчас в США довлеют не только алчность предпринимателей, но и всевозможные новейшие законы и комиссии конгресса, отнимающие у народа последние крохи гражданских свобод.

Это замечательные ребята, друзья моего сына. Они идут смело вперёд, несмотря ни на какие трудности. Я горд тем, что я не отстаю от молодёжи. Прошло немного времени с тех пор, как я пикетировал на улицах Питтсбурга, и с тех пор, как я шёл в ногу с участниками демонстрации в Сен-Луисе, требовавшей отмены расовой дискриминации.

Я верю, что та Америка, с которой я вместе борюсь, Америка Линкольна и Рузвельта, Америка прогрессивной молодёжи, победит чёрные силы фашизма.

Я желаю своим молодым советским друзьям всеческих успехов в мирном труде, который помогает советскому народу быстро идти по пути к светлому будущему. Мне хочется закончить своё слово к читателям «Смены» словами вашего великого поэта Александра Пушкина:

Да здравствует Солнце,
Да скроется тьма!

Paul Robeson

КРЕПКОЕ РУКОПОЖАТИЕ

Не раз уже в минуты поэтических раздумий о судьбах мира я обращался мысленно к молодёжи всех стран и народов.

Когда я писал «Песни любви к Сталинграду», я видел молодых советских богатырей в огне и дыму исторического сражения. В дни моих подпольных скитаний, когда меня преследовали полицейские швейи фашистского диктатора Чили Гонсалеса Видела и наёмные сыщики Вашингтона, часто, очень часто мне протягивали руку помощи чилийские юноши и девушки. Я часто вспоминаю о них, когда пишу стихи.

И когда я вспоминаю их, мне кажется, что молодой горняк из выжженной солнцем Селитринной степи обнимается крепким рукопожатием дружки с демобилизованным солдатом с медалью «За оборону Сталинграда».

Чилийский горняк сегодня борется за мир вместе со своим русским другом. Пускй по-разному проходит эта борьба: горняк Хуан или Педро бастует, чтобы высказать своё возмущение предателем народа Гонсалесом Виделю, юноша Васильи или Алексей, идущий в глаза смерть у стен волжской твердыни, где бы он ни был, спозаранку идёт на работу. Он задумывается над тем, как увеличить урожай или улучшить рабочий процесс. И в том, что юный Хуан ослабит на каком-то участке цепь империализма, и в том, что Алексей на своём рабочем месте усилит мощь СССР, — залог победы сторонников мира и демократии.

И когда в поэме «Да проснётся ласоруб» обращался к демобилизованному солдату — молодому американцу — я совершая с ним путешествие, показывая ему, как из крови китайских крестьян, пота кубинских батлеров и слёз испанских женщин американцы дубинкой палача сбивают «кокетей Маршалла».

Я рассказывал американскому юноше о том, что миру зла противостоит мир добры — СССР.

Я побывал в Сталинграде, и мирный его труд показался мне достойным городегор. Там, как и всюду в вашей стране, я видел множество Алексеев — таких, какими я себе их представлял: скромными тружениками, подвизавшимися на леса восстанавливания городов. Прими же, советская молодёжь, привет от множества Хуанов и мой личный привет!

Пабло Неруда

Девушки Франции

Летом Париж действительно красив. Даже огромные, старые деревья кажутся молодыми: так хороша свежая листва. Зеленые деревья отражаются в Сене, и кажется, что и вода реки тоже зеленая. На набережной, недалеко от Собора Парижской богоматери, расположился огромный цветочный базар. Цветы очень яркие, пропитанные. На другой стороне реки, на каменной набережной, установлены большие зеленые ящики с книгами. Это бумажный базар.

Красивы и центральные улицы города. Широкие и прямые Елисейские поля, Триумфальная арка, могила Неизвестного солдата с вырывающимися из-под земли языками нечю горящего пламени.

Лувр, Пантеон, где покоятся останки великих людей Франции... Ожидают страницы романов Виктора Гюго, Огюста Бальзака.

Но не этот Париж производит на вас самое сильное впечатление. Вас поражает другое — контрасты буржуазной столицы.

А контрасты поистине разительны. На прогулку в Булуазский лес нависает живописная канавка асфальта — мужчины и женщины, только значительно раньше — часов в 6 утра, — вы встретите немощеных, очень плохо одетых людей, роющихся в помойках и в мусоре. В витринах дешёвых магазинов на Елисейских полях выставлены роскошные товары. Самые дорогие вещи здесь стоят 14 тысяч франков.

Столько же получают в месяц квалифицированный рабочий, на жалованье которого, как правило, не менее четырех — пяти человек.

Можно привести таких примеров множество. Они поражают нас, советских людей. Было такое ощущение, будто мы двигаемся к жизни в усовом мире. Вот-вот он рухнет, и мы снова очутимся в нашей родной Москве, где так свободно и легко дышится человеку.

Делегация советских девушек приехала во Францию по приглашению Союза девушек Франции. Союз насчитывает в своих рядах около 40 тысяч человек — молодых работниц, крестьянок, служащих, учащихся школ профессионального обучения. Мы присутствовали на конгрессе Союза, побывали в его местных организациях — в «юггах», как они здесь называются, слушая выступления делегатов, беседовали со многими девушками и юношами и постепенно перед нами всё отчетливее вырисовывались картины либеральной юности, тяжелой жизни молодых «прекрасной Франции», у которой для своих дочерей и сыновей, как у дилетантов Юлуса, оказалось, и второе лицо — уродливое и жестоко.

Нынешние правители Франции отдали страну в полное и безраздельное владение американскому капиталу. Американцы чувствуют себя во Франции истинными хозяевами. Чтобы ввести в заблуждение общественное мнение страны, американцы прибегают к различным уловкам. На американских товарах, например, нередко накле-

«Молодёжь! Объединяйся в борьбе за мир!» — с такими лозунгами шли демонстрации.

ваются французские ярлыки. Но эти жульнические приёмы не могут обмануть народ. Трудящиеся Франции знают, что 60 процентов рабочей массы обнуены промышленностью, как события делят конгресса, осталось без работы потому, что американцы ввозят свои залежавшиеся товары и душат национальную французскую промышленность. Американские империалисты окулают во Францию и перепродают его французам же по гораздо более высоким ценам. «План Маршалла», «серый тучей» навис над страной, лишая людей света, надежды на получение постоянной работы.

Мы поехали в Ляль — крупный текстильный центр Франции. С нами были представители Союза девушек Франции, профсоюзов, общества «Франция — СССР».

Фабрик мы там не сможем показать, — предупреждали нас. — Вход туда строго запрещён.

На Лилльском вокзал мы приехали как раз в тот час, ко-

гда прибывает поезд с работницами. Это было незабываемое зрелище. Из распахнутого ворота на улицу алгул хлынула огромная толпа худых, истощённых девушек и женщин с усталыми, печальными глазами. Они не шли — они бежали на фабрику. Наша машина остановилась. Кто-то крикнул: «Вот девушки из Советского Союза!» — и повернул нас моментально образовалась большая толпа. Вначале девушки начали удивленно и радостно рассматривать нас, трогали за руки, за плечи, плечо. Потом разговорились. Молодые работницы жадно расспрашивали нас о молодёжи Советского Союза, рассказывали нам о своей безработице жизни.

— Да, работать приходится много, — жаловались они. — Даже пообедать нет времени. Видите на углу маленький магазинчик? Здесь мы покупаем несколько картофеля, кусок хлеба — вот и весь обед, который проглатываем, стоя возле станка. Почти все мы

живём в окрестностях Ляля, и на поездку в оба конца уходит 6—8 часов. Приезжаем домой — и сразу спать, спать, спать. Отдых? Развлекение? Нет, это не для нас.

Я обратила внимание на маленькую худую девушку, почти подростка, глядевшую на нас, не отрываясь. Мы разговорились. Оказалось, что зовут её Жанеттой. Ей только недавно исполнилось 15 лет.

— Где вы работаете?
— На сортировке пряжи.
— Сколько зарабатываете?
— Четыре тысячи франков, — едва слышно ответила Жанетта.
— А семья большая?
— Четыре братишки меньше меня и мама. Она больная и сейчас не может работать.

— А отец?
Девушка расплакалась. Подруги объяснили: её отца убили оккупанты.

Трудно увидеть дочь, потерявшую отца. Ещё труднее найти слова утешения, когда семья человека, отдавшего жизнь за родину, бедствует, по существу, голодает и не может рассчитывать на помощь государства.

Всё ещё всхлиывая, Жанетта сказала неожиданно громко:

— Я горжусь своим отцом... Эти слова девочки, в 15 лет ставшей кормилицей большой семьи, прозвучали удивительно сильно и мужественно. Ещё минуту назад казалось, что она совершенно подавлена тяжёлыми условиями жизни, что она безропотно покорилась судьбе. Но теперь она показала, что это не так. Жанетта верит, как верил в это же отец, что придёт новая, лучшая жизнь и для неё и для её народа и за эту жизнь, за своё счастье нужно бороться.

В Ляль сильно усилились реакции. Пост мэра города занимает родной брат де Голля. Реформисты развили здесь активную деятельность по расколу профсоюзного единства. Они всячески стараются отвлечь рабочих от политической борьбы. Небольшая часть девушек-текстильщиц состоит в Союзе девушек Франции. Но и в этом городе, как и во всей стране, с каждым днём молодёжь всё больше начинает понимать, что путь к победе — только в объединении, что, лишь наступая, можно добиться права на человеческую жизнь.

Союз девушек Франции всё шире развёртывает борьбу за улучшение материального положения трудящихся молодёжи, всё активнее выступает вместе со всем народом в защиту мира, против поджигателей войны войны. Французские девушки участвовали в массовых забастовках в октябре — ноябре 1947 года; в 1948 году молодые сортировщицы угля были в первых рядах бастующих шахтёров. 18 июля прошлого года был успешно проведён день требований молодых крестьянок, в сентябре — октябре Союз организовал большую кампанию протеста против закрытия школ профессионального обучения.

Морисет Ванут, делегат от Парижского района, рассказала на конгрессе, как девушки — участницы

У плаката Пикассо, выпущенного к Конгрессу сторонников мира. (Фото из журнала «Дочери Франции».)

школы профессионального обучения в 18-м округе Парижа — в результате восьмилетней заботы доблести, чтобы был исправлен котёл и школа отключалась. Молодые работники суточной фабрики в Лодзене коллективно потребовали равной платы за равный труд, независимо от возраста, открытия столовой и душа, и администрация фабрики вынуждена была пойти на удовлетворение этих требований. Небольшие, первые достижения! Но как важны они для сплочения местных организаций Союза, как укрепляют они веру в свои силы! Авторитет и алианс Союза в массах непрерывно растут, рады его ширится.

На улицах, в метро, во всех помещениях, где проходит собрания трудящихся, можно видеть изображения белого голубя с картины известного французского художника Пикассо. Этот голубь был эмблемой Всемирного конгресса сторонников мира, и он продолжает служить символом борьбы масс за прочный и длительный мир и демократию. Союз девушек Франции провёл сбор подписей в «Золотые книги мира». Сотни тысяч молодых работниц, крестьянок, служащих написали и скрепили подписями решительное «нет» войне, присоединив свои голоса к заявлению секретаря коммунистической партии Франции Мориса Тореза о том, что французский народ никогда не выступит против Советского Союза.

Девушки протестуют против войны, которую ведёт французское правительство. Кет против народа Вьетнама. Лозунг «Ни одного солдата ни одного солдата на войну с Вьетнамом!» звучит всё громче и востребованней.

В Марселе, большой портовый город, ночью, тайком приходят

корабли. Это плывущие кладбища: на судах привозят раненых и убитых французских солдат, погибших в бессмысленной, несправедливой войне с народом Вьетнама. Девушки на Союзу узнают о притоке таких кораблей и устраивают демонстрации протеста. Их избивают, бросают в тюрьмы, но правительство не может заставить их отказаться от борьбы.

Борьба тяжела. Она требует стойкости и беззаветного мужества. Вера в свои силы растёт с каждым днём, потому что растёт число сторонников мира, приверженцев демократии, потому что есть страна, на которую равняются все передовые люди земного шара. Эта страна — наша социалистическая Родина.

Велика любовь французской трудящейся молодёжи к Советскому Союзу. К его голосу прислушиваются, ибо видят в нём олицетворение всего самого прогрессивного, самого прекрасного — нового, коммунистического строя.

В небольшом шахтёрском городке Ланкс, в Пизе-Кале собираются молодые работницы и старые шахтёры. Они пришли, чтобы послушать советских людей. Это были измождённые, уставшие люди. Были их жизни проходили под землёй, а те немногие часы, что они проводят на-гора, так же мрачны. Нищенский заработок, грязь. Маленькие дети, которые никогда не видят даже трамва: ухаживая пыль покрывала толстым слоем двора и улицы. Девушки работают на сортировке угля, как автоматы. Никто не заботится об отдыхе их труда. Недавно 12 девушек погибло под глыбами угля: обвалы здесь очень часты. И нужно было видеть, как загораются глаза работниц и рабочих, их детей, когда они слушали о жизни шахтёров в Советском Союзе, о

покое, которым окружены их труд! Здесь мы как-то по-новому почувствовали, какой огромной смысл заключён в сталинских словах о том, что труд у нас стал делом чести, делом славы, делом доблести и героизма. Французские работницы ещё только мечтают о свободном, творческом труде и борьбе за него.

В день закрытия конгресса Союза девушек Франции на стадионе Буффало состоялся митинг. На нём присутствовало около 20 тысяч юношей и девушек. Делегаты конгресса прошли мимо трибуны. Они несли лозунги, призывающие к миру, к единству демократической молодёжи. «Да здравствует Советский Союз!» — громко повторила молодёжь, слова, повторённые на транспарантах, и громко, дружно аплодировала, восторженно кричала «ура!».

На трибуну поднялся секретарь коммунистической партии Франции Жак Дюкло. Он обратился к молодежи с большой речью. Он говорил о задачах молодёжи в её борьбе за мир, за национальную независимость страны, за лучшее будущее. Жак Дюкло провозгласил: «Никогда страна Даниэль Казанова не будет воевать против страны Зоэл». Даниэль Казанова — героиня французского народа, погибшая в борьбе с фашистскими оккупантами. Зоэ Комоземьянская — символ героизма советской молодёжи, преданной её своей социалистической Отчизне.

«Никогда страна Даниэль Казанова не будет воевать против страны Зоэл» — это лозунг звучал, как молитва. Ему верили, ему нельзя не верить, ибо это голос самого народа, его мысли и чувства, это — его твёрдое, непоколебимое решение, которое никому и никогда не удастся изменить.

СМЕНА В номере:

Дорогу пятистотникам!
Анатолий Софронов — Комсомолец.

Николай Бирюков — Вперёд, к победе коммунизма!
Дерзай в работе, молодёжь! — Стихи молодых поэтов: В. Скворцов, Н. Грачев, Н. Езакс, П. Моряков, М. Сазонова, В. Торопкина.

Владимир Добровольский — Прощание.

Николай Погдин — Знамя пернатца.

После съезда.
С. Селяков — На старом промисле.

Александр Вовшин — Молодые силы.

Е. Рябчиков — Славный юбиляр.

Т. Леонтьева — «Нашего полку прибыло».

Поль Робсон — К светлому будущему.

Павел Иеруда — Крепкое рукопожатие.

Зоя Туманова — Девушки Франции.

На первой странице обложки: знающий токарь-станочник московского завода «Калибр» — Николай Фёдоров, музыкант В. Терентьев.

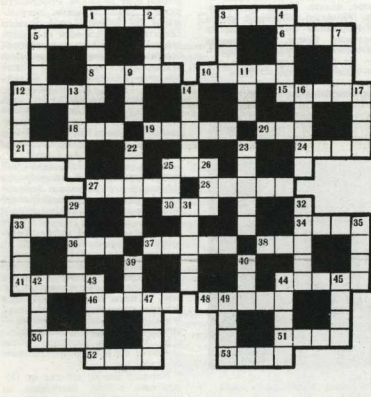
На четвертой странице обложки: лесня «Наша смена», Слова Н. Фёдорова, музыка В. Терентьева.

Оформление номера В. Урниа.

КРОССВОРД

Составил И. Большаков (Москва)

По горизонтали:

1. Хвойное дерево. 3. Оросительный канал. 5. Столица европейского государства. 6. Морская раковина. 8. Персонаж повести Гюго. 10. Хищная птица. 12. Комната в школе. 15. Огородное растение. 18. Сыч. 19. Рыба. 20. Изобретение. 21. Вид телёнка. 24. Спутник Земли. 25. Цветок. 27. Гостиница повоев. 28. Время года. 30. Известняк. 31. Раскраска Тургенева. 34. Плутиль америк. 36. Подорожник. 37. Литератур. 38. Нижнее растение. 41. Орудие для земляных работ. 44. Автор «Гусиная Гуляница». 46. Русский композитор. 48. Писатель. 50. Птица для сна. 51. Нападение. 52. Замкнутый. 53. Архитектурное сооружение.

По вертикали:

1. Советное уклон. 2. Столица союзной республики. 3. Река в СССР. 4. Белорусский писатель. 5. Хищная птица. 7. Часть тела. 9. Место для молитвы. 11. Документ, удостоверяющий что-либо. 12. Принят Волги. 13. Озеро в Армении. 14. Осец. 16. Хищная рыба. 17. Угловатость. 22. Домашнее животное. 23. Река в СССР. 25. Известия. 26. Судовой повар. 28. Рыба. 31. Музыкальное имя. 32. Русский писатель. 33. Темнота. 35. Кошачье животное. 39. Союзный лес. 40. Кушак. 42. Государство в Азии. 43. Преподобный. 44. Вулкан на Камчатке. 45. Различные состояния животного явления. 47. Роман Юйичи. 49. Река в СССР.

И. о. редактора — Г. Ершов.

Адрес редакции: Москва, 40, ул. «Правды», 24.

А — 09514. Подписано и печатно 9/VI—49 г. Завод № 1840.

Тираж 70.000. Изд. № 612.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

БИТВА ПРИ КУНЕРСДОРФЕ

ХОД ЧЕРЕПАНОВЫХ

паровоза густыми клубами повалил дым.

Заводчики и генералы осторожно отходят в сторону на безопасное расстояние. Дан сигнал. Замерла в тревожном ожидании толпа. Но вот пришла в движение поршня, завертели колёса — и паровоз со всеми вагончиками, толнувшись с места, с плажом и ступом покати́лся по рельсам, постепенно набирая скорость. Вдогонку за поездом понеслись с радостными криками сотни людей.

Самовуверенный и наглый Фридрих рассчитывал на легкую победу над русскими войсками и недооценивал международные противоречия России. Историк повествует, что прусский король сам позже признавал, что в отношении России он допустил худшие из возможных для полководца ошибки, легкомысленно рассчитывая на «слабость или глупость противника».

Этот день вошёл памятной датой в историю русской технической мысли. Это были первый русский паровоз и первая русская железная дорога с паровой тягой.

Отец и сын Черепановы принадлежали к числу тех талантливых самородков, которыми истари славилась русская земля. Крепостные крестьяне, самоучки-механики, они сыграли большую роль в развитии

Но вот всё готово. Мирон Черепанов поднялся на площадку механизма, взялся за рычаг и выжидающе посмотрел на начальство. Из трубы

В своей замечательной книге Семенов показал, что в человеческом сознании нет таких тайн, в которые не мог бы проникнуть пытливая взор естествоиспытателя-материалиста.

Уже в 70 лет И. М. Сеченов, изучая проблему утомляемости, подвергал себя тяжёлому, длительному испытанию на специальном механизме. В результате этих исследований была создана книга «Очерки рабочих движений», положившая основу физиологии труда. Сеченов всю свою жизнь служил народу, принадлежал к той группе русской интеллигенции, которая постоянно исполняла силы революционного движения.

Иван Михайлович Сеченов родился сто двадцать лет назад, 13 августа 1829 года.

А вот другой документ — выписка из писем, захваченного у неприятеля под Берлином (от 14 августа 1979 года): «...каждый бежит отсюда, куда только может. Сражение было очень кровопролитным... Отступление было настолько успешным, что большая часть артиллерии брошена. Одна лошадь под королем убита, а другая ранена; генерал Путхаммер убит, генералы Ведель, принц Вюртембергский, Гюльзен, Финк и другие ранены. Особенно пострадала кавалерия: 4 полка со-

Командовавший русскими войсками генерал-фельдмаршал Пётр Салтыков доносил императрице Елизавете, что русские войска в битве с немцами «в наиокочайшем огнетак мужественно и неустрашимо поступали, как того от верных подданных и храбрых воинов ожидать».

Сила русской армии была не только в красоте её солдат. Она имела ряд талантливых полководцев, среди которых особенно выделялся будущий знаменитый фельдмаршал Пётр Румянцеv, Захар Чернышёв, Пётр Панин, Иван Салтыков и другие. Проникнутые русским духом, они думали не только об решительном отыгрыше от навазанных им теоретикам представлений западной военной доктрины и в тесном сотрудничестве с солдатами вырабатывали новые формы стратегии и тактики, которые познати так прекрасно были развиты Румянцевым, Суворовым и Кутузовым.

Русская военная мысль всегда обращалась к кунерсдорфскому сравнению. Большое внимание уделял ей великий русский полководец генералиссимус Александр Суворов. Он любил напоминать своим солдатам о том, что «русские прусских всегда бивали».

было время, когда немцы кичились своими военными авторитетами — Клаузевицем, Мольтке, Шлиффеном, Лудендорфом, Кейтелем и др. — делами, что они делали, воевали, проигрывали битвы при Кунерсдорфе. Но последние тридцать лет особо наглядно показали, чего стоят немские военные авторитеты по сравнению с русской армией, советской военной идеологией. Как отметил товарищ И. В. Сталин в известном письме полковнику Разину, «не только Германия в целом, но и ее военная идеология не выдержи-

13 В ноябрьские дни 1941 го-
да вождь советского народа

И. В. Сталин в своем историческом докладе на торжественном заседании Московского Совета назвал среди славных имен, которыми гордится русский народ, Ивана Михайловича Сеченова.

Об этом замечательном ученом основоположнике русской физиологической науки, академик Иван Петрович Павлов писал: «Исходную точку наших исследований я отношу к концу 1863 года, к появлению известных очерков Сеченова «Рефлексы головного мозга».

Сеченов первый доказал, что нет пропасти между телесной и «душевной» деятельностью человека. Ученый смело выступил против теорий психологов-идеалистов, утверждавших, что только тело человека подчинено «законам материального мира». «Душевную» жизнь эти психологи ставили вне законов материального мира.

Свою выдающуюся работу «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченов опубликовал в 1863 году в журнале «Медицинский вестник». Когда эта статья вышла отдельным изданием, реакционеры возбудили против автора судебное дело. Целью год книга находилась под запретом. Близкие люди очень опасались за судьбу «кромольника» и советовали ему заранее подписать надиктованного защитника. Но Сеченов, смеясь, отвечал: «Зачем мне адвокат? Я возьму с собой в суд дилжунку».

проделаю перед судьями все мои
опыты: пускай тогда прокурор опро-

В своей замечательной книге Семенов показал, что в человеческом сознании нет таких тайн, в которые не мог бы проникнуть пытливая взор естествоиспытателя-материалиста.

Жизнь И. М. Сеченова была непрерывным научным подвигом. Он шёл к своей великой цели сквозь все препятствия. Сапёр-фицер по образованию, И. М. Сеченов всё оставил ради учения на медицинском факультете. Никакие лишения, никакие страдания не удерживали его от выполнения поставленных перед собой задач. Не раз он продолжал над самим собой мучительные и опасные опыты, чтобы убедиться в правильности своих

Уже в 70 лет И. М. Сеченов, изучая проблему утомляемости, подвергал себя тяжёлому, длительному испытанию на специальном механизме. В результате этих исследований была создана книга «Очерки рабочих движений», положившая основу физиологии труда. Сеченов всю свою жизнь служил народу, принадлежал к той группе русской интеллигенции, которая постоянно исполняла силы революционного движения.

Иван Михайлович Сеченов родился сто двадцать лет назад, 13 августа 1829 года.

В темпе марша (с аккомпанементом)

Вдоль по улице шагает
Наша юность трудовая,
Идут, шахты и мартены,
Подрастает наша смена.

Привет, шахтер! Мы в училщад и школах
Держим знамя Комсомола.
Не уронит это знамя
Молодая армия труда.

У печей и за станками
Все мы станем мастерами.

НАША СМЕНА

Слова Н. ФЛЕРОВА.

Музыка В. ТЕРЕНТЬЕВА.

Вдоль по улице шагает
Наша юность трудовая,
Идут, шахты и мартены,
Подрастает наша смена:
Шахтер, прокатчик, слесарь
и шахтер.

Привет:
Мы в училщад и школах
Держим знамя Комсомола,
Не уронит это знамя
Молодая армия труда.
У печей и за станками
Все мы станем мастерами.

И трудиться будем так же,
Как отцы.
Чтоб сказали на заводе
Да про всем честном народе:
«Боевая смена, вот так молодцы!»

Привет.

Знаем, будет нас немало,
Мастеров угля, металла,
Машинистов и добытчиков руды.
И стране своей могучей
Мы станем самой лучшей,
Боевой работой за её труды.

Привет.

